

«ЛУЧШАЯ КНИГА МЕСЯЦА В ЖАНРЕ ФАНТАСТИКИ И ФЭНТЕЗИ».
ПРЕМИЯ AMAZON

ПРИНЕСИ МНЕ ИХ СЕРДЦА

САРА ВУЛФ

Сара Вулф

Принеси мне их сердца

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.111-312.9
ББК 84(7Сое) 44

Вулф С.

Принеси мне их сердца / С. Вулф — «Издательство АСТ», 2017

ISBN 978-5-17-146596-4

Зера — Бессердечная. Бессмертная и вечно юная марионетка в руках лесной ведьмы Ноктюрны. Она жаждет свободы, но вынуждена подчиняться своей хозяйке, что хранит её сердце в колдовском сосуде. Однажды ведьма предлагает сделку: сердце Зеры в обмен на сердце принца. Но если она не справится и попадёт в плен, Ноктюрна уничтожит её, чтобы сбросить свои секреты. Наследный принц Люсьен д'Малвейн презирает королевский двор за то, что все пресмыкаются перед ним. Наставники слишком боятся, чтобы действительно чему-то научить. А фрейлины сражаются за внимание Его прекрасного Высочества. Никто не осмеливается бросить ему вызов — пока ко двору не прибывает леди Зера. Она не похожа на утончённую аристократку, остра на язык, игнорирует условности и постоянно портит ему жизнь. Теперь на кону честь принца, и Люсьен не успокоится, пока не отыщет слабое место Зеры. Это игра в кошки-мышки между той, кому нечего терять, и тем, у кого есть всё. Победитель получит сердце проигравшего. В прямом смысле.

УДК 821.111-312.9

ББК 84(7Сое) 44

ISBN 978-5-17-146596-4

© Вулф С., 2017

© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Сара Вулф	5
Глава 1	7
Глава 2	28
Глава 3	34
Глава 4	43
Глава 5	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Сара Вулф

Принеси мне их сердца

Sara Wolf
Bring Me Their Hearts

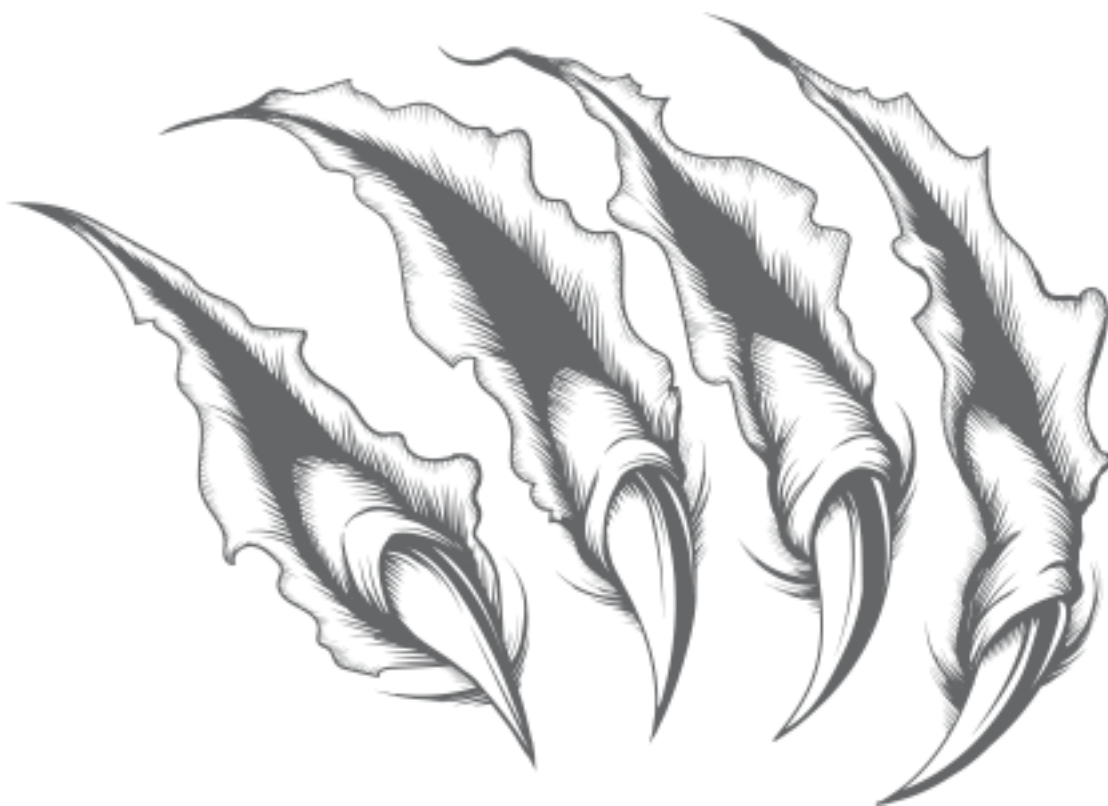
Печатается с разрешения издательства Entangled Publishing LLC и литературного агента RightsMix LLC

First published in the United States under the title BRING ME THEIR HEARTS. This translation published by arrangement with Entangled Publishing, through RightsMix LLC. All rights reserved.

Дизайн обложки Екатерины Климовой

© 2017 by Sara Wolf
© Васильева Ю., перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Для тех, кто потерял свои сердца и борется с собственным голодом

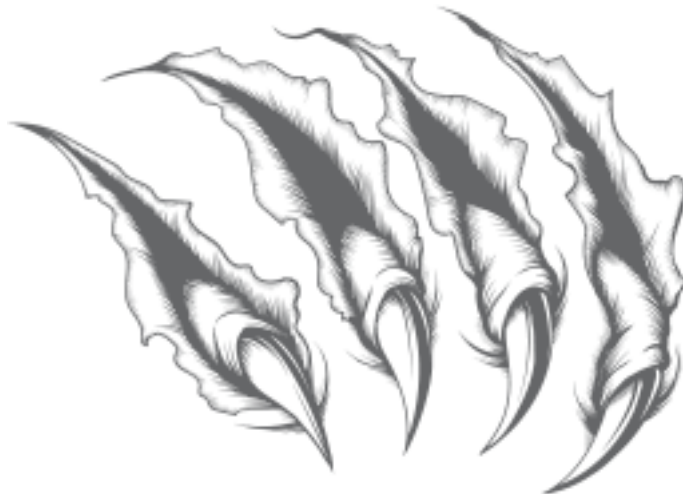
*Тьма есть лишь в глазу смертного, считающего, что он видит все,
однако не видит ничего¹.*

Урсула Ле Гуин «Левая рука Тьмы»

¹ Перевод И. Тогоевой.

Глава 1

Голодный волк и черная роза

Король Каваноса Среф наблюдает за мной стылым взглядом ворона, кружащего над трупом, – неусыпно, будто готов сожрать в тот же миг, как я потеряю бдительность. Я подумываю сообщить ему, что люди не особо хороши на вкус, но вспоминаю, что нормальные девушки не едят человечину. И не проникают обманом в королевские дворы.

«Нормальные, – говорю себе. – Целиком и полностью нормальные. Строй глазки. Смейся как пустоголовая дурочка. Какой еще цепухой, во имя зубов Старого Бога, занимаются нормальные девушки, а?»

Остальным лучше знать. Нас трое – три девицы в кремово-розовых платьях, преклонившие колени перед тронем короля Срефа. Наши лица скрыты вуалями.

Я бы спросила у них, но мы слишком заняты: тонем в дорогих кружевах и внимании раззолоченных знатных особ. Ну, две другие заняты. Я же скорее внутренне ухохатываюсь над тем, как они манерничают и картинно склоняют свои чудесные головки.

«Старайся затмить соседку» – этой игре матери учат их с рождения.

Моя вот научила меня только умирать.

– Все вы прекрасны, словно розовые бутоны, – наконец говорит король. На его лице приятный отпечаток возраста, сеть благородных морщин разбегается вокруг глаз цвета стали. Но глаза эти не улыбаются: верный признак, что он искренен лишь наполовину. Он стар, он могущественен, и ему скучно – самое опасное сочетание, которое только можно представить.

– Спасибо, ваше величество, – синхронно отвечают девушки, и я тут же присоединяюсь.

Про себя я зову их Прелесть и Грация.

Прелесть и Грация не отваживаются смотреть куда-то, кроме мраморного пола, в то время как мой взгляд так и блуждает по дорогим шелковым нарядам придворных или золотым змеям, вырезанным на величественных каменных колоннах. Три года, проведенные в лесу в услужении у ведьмы, заставляют жадно вглядываться в любую мелочь, отличную от деревьев и оленьего помета. Я побаиваюсь поднимать голову слишком высоко, не хочется привлекать к себе внимание, так что мне остается лицезреть лишь ноги королевы Колисы и ее сына.

Кронпринц Люсьен д’Малвейн, эрцгерцог Толмаунт-Килстеда, Огнерожденный, Черный Орел – у принца с десятков имен, одно напыщеннее другого.

Если я чему и научилась в свой первый день при дворе – так это тому, что чем больше у кого-то имен, тем меньше у него реальных заслуг.

Я пока не видела ничего, кроме носков его обуви, но уже знаю, что голова у принца совершенно пустая.

И скоро, если у меня все получится, он лишится еще и сердца.

– Приветствую вас, новейшее пополнение нашего блистательного двора, – гремит голос короля Срефа: сплошь помпезность, лишённая искренности.

– Спасибо, ваше величество, – отвечают Прелесть и Грация, и я эхом повторяю за ними. Вживаюсь в роль – всего-то и нужно, что постоянно всех благодарить и казаться милой. В конце концов, проникнуть во дворец, оказывается, не так уж и сложно.

Вслед за королем медовым голосом заливается королева Колисса:

– Надеюсь, вы преумножите славу ваших семей и не предадите идеалы нашего великого народа.

– Спасибо, ваше величество, – отзывается мы.

Я слышу, как королева что-то шепчет. Ей мягко отвечает глубокий голос, и она чуть повышает тон – так, что это слышно лишь нам троим, преклонившим колени у подножия трона.

– Люсьен, пожалуйста, скажи что-нибудь.

– Это не имеет смысла, мама, а я стараюсь избегать бессмысленных действий.

– Люсьен...

– Ты знаешь, как я ненавижу эту устаревшую церемонию. Посмотри на них – они здесь только ради своих семей. Ни одна девушка в здравом уме не подвергнет себя такому унижению. – Голос принца сочится темным ядом, и я вздрагиваю. Уж слишком это отличается от совершенно безэмоционального тона его отца и приторно-сладкого – матери. Вельможи в большинстве своем привыкли сдерживать порывы, но за внешним фасадом принца кипят эмоции. И он еще не научился их скрывать.

– Это традиция, – настаивает королева. – Сейчас же скажи им что-нибудь или, да поможет мне...

Мы слышим, как ножки стула скрипят по мрамору, и принц приказывает нам:

– Встаньте.

Две барышни грациозно, словно лебеди, приподнимают юбки и встают. Я, глотая проклятия, делаю то же самое и едва не падаю в своей нарядной обуви. Себе из прошлого на заметку: четырех дней подготовки недостаточно для того, чтобы научить кого-то ходить в расшитых лентами смертельных ловушках. Как Прелесть и Грация делают это столь непринужденно, выше моего понимания, а вот румянец на их щеках понять можно.

Я поднимаю глаза на принца, который стоит на верхней ступени прямо перед нами. Возвышение ни к чему, и без того видно, что он высок. Мощный торс воина облачен в серебро, широкие плечи укрыты бархатом. Старше меня – моих вечных шестнадцати – на год? Нет, возможно, на два или около того; об этом говорят рельефные мышцы. Теперь понятно, почему принца называют Черным Орлом: его волосы темнее воронова крыла, возле лица они свободно ниспадают прядями, а сзади собраны в длинную черную косу. Лицо у него в точности как у отца в пору расцвета: гордый ястребиный нос и высокие, надменные скулы. Кожа тоже отцовская, цвета темного дуба, а вот глаза как у матери – пронизывающие, стального цвета, острые, словно клинок. Он весь – сплошная гордость и тьма, и я ненавижу его всеми фибрами души – ненавижу сам факт того, что некто, наследующий такую власть и богатство, столь прекрасен. Я бы предпочла видеть его горбатым и в бородавках. С безвольным подбородком и водянистыми глазками. Но мир несправедлив, увы. Я усвоила это в день, когда убили моих родителей.

В день, когда я превратилась в монстра.

У девушек рядом со мной чуть ли не слюнки текут, но я изо всех сил стараюсь сохранять скупающий вид. По пути сюда мне попадались куда более симпатичные парни. Десятки.

Сотни. Ну ладно, хорошо, – на самом деле только один, и он позировал живописцу в квартале художников, но все это неважно, поскольку следующее насмешливое заявление принца Люсьена начисто стирает из моих мыслей сам факт его привлекательности.

– Леди – это не просто украшение, – рокочет он, точно гром среди ясного неба. – Она мать будущих поколений, наставница наших потомков. Леди, конечно, приличествует иметь мозг – где-то между ушей, как и у всех остальных, но что есть красота без предназначения? Все равно что цветы в вазе, которые увянут и будут выброшены прочь.

В книге, составленной умнейшими учеными, я читала, что планета круглая, что она вращается вокруг солнца и что на востоке и западе, в самых холодных областях, располагаются магнитные полюса. В подобное я могу поверить. Но никак не в существование кого-то *настолько* высокомерного.

Придворные тихонько посмеиваются между собой, но стоит королю Срефу поднять руку, смешки тут же стихают.

– Это Весенние Невесты, мой принц, – говорит король терпеливо. – Они знатного рода. Они много учились и практиковались, чтобы оказаться здесь. И они заслуживают большего уважения.

«*Кое-кого отругали*», – напеваю я про себя. Принц Люсьен окидывает короля пронизывающим взглядом.

– Конечно, ваше величество. – Презрение, с которым он произносит «ваше величество», очевидно.

«*Считай себя счастливым, принц*, – думаю я. – *В этом жестоком мире у тебя хотя бы есть отец*».

– Однако, – принц поворачивается к придворным, – слишком часто мы приравниваем знатность происхождения к здравому смыслу и благоразумию.

Его глаза обводят комнату, и в этот раз вельможи молчат. Шарканье ног и покашливания демонстрируют крайнее неудовольствие. Пусть я здесь недавно, но его позиция мне знакома. Точно так же ведет себя молодой лесной волк со старшими; принц бросает вызов знати, и по побелевшим костяшкам пальцев короля и полному ужаса взгляду королевы я понимаю, что он затеял опасную игру.

– Давайте же поприветствуем Весенних Невест так, как это делали короли во времена Старого Бога. – Принц стирает руки. – Оценив их нрав.

Придворные возмущенно перешептываются. Тяжело не заметить серебряные полукружия с тремя продетыми сквозь них спицами, если они на каждом здании в городе; здесь, в Ветрисе, царит Новый Бог, Кавар. Пасмурная война во славу Кавара велась тридцать лет назад, и последователи Старого Бога были истреблены или изгнаны из Ветриса. Его изваяния низвергнуты, а храмы разрушены. Ныне поддерживать традиции Старого Бога равносильно смертному приговору. Король это понимает – и мгновенно прикрывает сына.

– Властители тех времен заблуждались, однако они заложили основы процветания этой страны. Дороги, стены, дамбы – все это было построено королями древности. Стереть их с лица земли было бы преступлением против истории, против истины. Позвольте вспомнить одну старую традицию здесь, сегодня, и с достоинством почтить память былых времен.

Ловко выкрутился. Чтобы понять это, не обязательно быть мудрецом. Принц Люсьен выглядит раздраженным попыткой отца успокоить придворных, но скрывает это и снова поворачивается к нам троем.

– Ответьте на вопрос в меру своих возможностей, как только поднимете вуали. Какова цена королю?

Повисает долгая пауза. Я почти слышу, как натужно скрипят мозги у девушек рядом со мной. Придворные перешептываются друг с другом, и хихикают, и поглядывают в нашу сто-

рону, приподняв брови. Ценность короля неизмерима. Сказать нечто иное было бы безумием. От гнетущей смеси веселья и презрения, витающей в воздухе, у меня по коже бегут мурашки.

В конце концов Прелесть поднимает вуаль и откашливается.

– Цена королю – миллион – нет! – триллион золотых монет. Нет – семь триллионов! – Смех придворных становится громче. Прелесть краснеет, как свекла. – Простите, ваше величество. Мой отец никогда не учил меня счету. Только шитью и прочему.

Король добродушно улыбается.

– Все в порядке. Это был очаровательный ответ.

Принц молча указывает на Грацию. Судя по лицу, он явно не впечатлен.

Она делает реверанс и поднимает вуаль.

– Ценность короля невозможно измерить, – чеканит девушка. – Она словно самая высокая горная вершина Толмаунт-Килстеда и так же широка, как Бескрайние болота на юге. Ценность короля глубже темноты на дне Бурлящего Океана.

В этот раз придворные не смеются. Кто-то начинает негромко аплодировать, остальные подхватывают.

– Очень красноречиво, – говорит король. Девушка, очевидно довольная собой, вновь приседает в реверансе и с надеждой смотрит на принца Люсьена. Но он лишь сильнее морщится.

– Теперь ты, недотепа. – Принц наконец указывает на меня. – Что скажешь?

Его оскорбление жалит, но всего на мгновение. Конечно, я нескладная по сравнению с ним. Как и все остальные. Полагаю, единственный, кто не кажется принцу нескладным, смотрит на него из отражения в зеркале.

Я выдерживаю его взгляд, обжигающий кожу, точно солнечные лучи. Его презрение ко мне, к стоящим рядом девушкам, ко всем знатным особам в этом зале ощутимо. Он ничего не ждет от меня, впрочем, как и от остальных, – я вижу, как в миг, когда я открываю рот, глаза его затуманивает отвращение.

Он не ожидает ничего выдающегося. Значит, я должна измыслить нечто особенное.

Я медленно поднимаю вуаль и произношу:

– Цена королю – одна картофелина.

Воцаряется тишина, а затем волна шока прокатывается по залу, звучат вздохи и возмущенные шепотки. Стражники-келеоны, бешено виляя хвостами, стискивают свои алебарды и щурят глаза, напоминающие кошачьи. Любой из них способен разорвать меня пополам, словно лист бумаги, вот только это не убьет меня. Лишь выдаст как Бессердечную – прислужницу ведьмы – всему королевскому двору, а это куда хуже, чем выпущенные кишки. Ведьмы верят в Старого Бога и воевали против людей в Пасмурной войне. Мы враги.

Я враг, надевший личину знатной барышни, только что оскорбившей короля в глупой надежде привлечь внимание принца.

Королева прижимает платок к груди, явно задетая моими словами. Король приподнимает бровь. Принц, наоборот, улыбается. Сперва улыбка прячется в уголках его рта, но через миг все его лицо озаряет веселье. «Он симпатичный, – мысленно отмечаю я, – вполне приятный, когда не ведет себя как собачье дерьмо». Он прочищает горло, снова овладев собой.

– Ты продолжишь или мне прямо здесь и сейчас бросить тебя в подземелье за попытку очернить достоинство короля?

Келеон делает шаг вперед, и мое отсутствующее сердце сжимается. Как по мне, идея заключить меня в темницу чересчур радует принца. Я поднимаю подбородок, стараясь держаться прямо и казаться спокойной. Сильной. Я произведу впечатление или буду убита за слишком длинный язык. Все просто.

На самом деле совсем не просто.

Потому что я не могу умереть.

Потому что в отличие от девиц рядом, я здесь не для того, чтобы произвести впечатление на короля, или выйти замуж за особу королевской крови, или обеспечить место при дворе своему отцу.

Я здесь ради сердца принца Люсьена.

Буквально, не фигурально. Хотя фигурально было бы проще, не правда ли? Заставить парня влюбиться легко, судя по тому немногому, что мне запомнилось из прежней человеческой жизни, – всего-то и нужно, что комплименты, потупленные глазки и платье с глубоким вырезом, возможно, пяток платьев – и вот уже они податливы, как глина. Но я здесь ради того, что бьется у него в груди, и я добуду его сердце, хитростью или силой. Но чтобы подобраться так близко, мне нужно завоевать его доверие.

Принц привык к идиотам и подхалимам. Я должна дать ему противоположное. Быть особенной. Алмазным клинком пронзить плоть его скучной аристократической жизни.

– Для большинства жителей этой страны, для простого люда, – с нажимом продолжаю я, – одна картофелина олицетворяет разницу между голодной смертью зимой и возможностью дожить до весны. Одна-единственная картофелина означает жизнь. Одна картофелина может стать спасительной благодатью. Для людей короля, живущих в его деревнях, в его королевстве нет ничего драгоценнее одной картофелины.

Шепотки в зале стихают, на лицах знатных господ проступает смущение. Они не представляют, что значит умирать от голода, я уверена. А вот я знаю, каково это, не понаслышке.

Я вновь встречаюсь глазами с принцем. Он тоже смущен, но по-другому. Принц смотрит на меня так, словно никогда не встречал никого подобного. Словно я какой-то необычный образец, хранившийся в прохладном погребе для дальнейших научных изысканий. В его взгляде больше нет скуки, лишь крайнее изумление. Мне следовало бы отвести глаза, принять скромный или смущенный вид, но я этого не делаю. Я говорю глазами те слова, которые не могу произнести вслух.

«Я не цветок, который можно сорвать по твоей прихоти, злой волк. Я гонимая, готовая к охоте. Я Бессердечная, одно из тех созданий, при виде которых твои люди бежали в страхе тридцать лет назад».

Я позволяю себе ухмыльнуться – едва заметной голодной усмешкой.

«Если бы тебе хватало мозгов, ты бы тоже бежал».

Королева улыбается, сжимая руку короля, и тот смеется. Вовсе не слабо или сдержанно, в его смехе клокочет безудержное веселье. Он мне улыбается и в этот миг выпядит лет на десять моложе.

– Как тебя зовут, маленькая смышленная Невеста?

«Зера, – мысленно отвечаю я. – Просто Зера, дочь пары торговцев, чьи лица я уже начинаю забывать. Сирота, воровка, любительница плохих романов и хороших пирогов, послушная раба ведьмы Ноктурны, отправившей меня сюда, чтобы вырвать сердце из груди вашего сына».

Вместо этого я приседаю в неуклюжем реверансе и с улыбкой лгу:

– Зера И'шеннрия, ваше величество. Племянница Куин Й'шеннрии, леди дома Й'шеннрия и Рейвеншаунта. Благодарю, что приняли меня сегодня.

«Благодарю и прошу прощения. Насколько на это способно чудовище».

Пятью днями ранее

В меня всадили нож.

Не то чтобы меня можно было этим удивить, но...

– Зубы Кавара! – клянусь я Нового Бога и завожу руку за спину, чтобы нащупать рукоятку кинжала. – Это мое любимое платье.

Вот так спокойно возвращаешься домой, выбрав лесную тропку, и в следующую секунду тебя закалывают, точно деревенскую свинью. Будь у меня дневник, записала бы в него, что вечер удался.

Стройный незнакомец, проткнувший меня, стоит рядом, скрыв лицо и фигуру под темным плащом с капюшоном. Я понятия не имею, кто он, – но он двигался намного быстрее человека и слишком высок для представителя одной из бледных подземных рас. Извивающийся голубой хвост, увенчанный кисточкой, – вот и неопровержимое доказательство, что передо мной ассасин-келеон. Эти кошачьи твари соображают быстро, а удары наносят еще быстрее.

– Так и будешь просто стоять здесь? – Я тяжело дышу, мои пальцы натываются на скользкую дорожку крови, стекающую по шнуровке корсажа. – Если собрался меня убивать, я бы предпочла, чтобы ты работал шустрее.

– Ты не умерла, – рычит келеон – их голоса всегда звучат нежно-грубовато, как если бы шелковое знамя протянули по гравиию. В темноте его глаза светятся золотом из-под капюшона.

– Гений наблюдательности и мастер протыкания юных девиц, одиноко прогуливающих во мраке! – Я выдавливаю из себя вымученную улыбку. – Какая честь. Я бы поклонилась, но нож, который ты мне столь любезно подарил, слегка мешает.

– Я поразил тебя в самое сердце, – твердит он. – Ты должна быть мертва.

– Хотела бы я сказать, что ты первый мужчина, который говорит мне столь романтические вещи. – Мне удается извернуться, ухватиться за рукоятку кинжала и с усилием вынуть его. Обжигающая боль притупляется до отвратительной ноющей. – Но, увы, я профессиональная воровка, а не лгунья. – Я тычу в него окровавленным пальцем. – У тебя десять секунд, чтобы рассказать, кто тебя послал. Ассасины-келеоны недешевое удовольствие, а значит, это был кто-то из знати. Кого я вывела из себя на этот раз?

Его хвост дергается – верный признак, что он ищет способ сократить расстояние между нами и покончить с делом.

– Девять, – начинаю я.

В небе над нами красуются три полные луны: Красные близнецы, соединенные россыпью звездной пыли, и Голубой гигант, раздутый, точно брюшко у светлячка. Они заливают величественным ярким светом лес и прорезающую его Костяную дорогу – и в моем распоряжении все время мира, чтобы восхищаться этим, поскольку келеон выбрал путь молчания.

– Восемь, – отсчитываю я. – Это была леди с грифоном на знаменах, проезжавшая мимо в роскошном экипаже? Ей следовало бы поблагодарить меня за избавление от той изумрудной тиары. Она совершенно не сочеталась с ее цветом лица.

Он по-прежнему молчит. Стайка белых ворон пролетает над нами и усаживается на соснах, чтобы понаблюдать за разборкой своими красными глазками. Я подавляю желание закатить истерику. Последнее, что мне сейчас нужно, – это ведьмовская клика, наблюдающая за происходящим. Не люблю работать перед зрителями.

– Послушай, мой дорогой келеон. – Я перебрасываю кинжал из одной ладони в другую, пробую острие. – Ты ранил меня. Но я могу это простить. Куча людей проделывали то же самое, и с половиной из них мы стали добрыми друзьями! Я даже присутствовала на их похоронах! Правда, именно я и устраивала эти похороны. В одиночку. В лесу. Только я, бездыханное тело и лопата. Но это мелкие детали. Кстати, пять. Таймер не останавливался из-за моего выдающегося монолога.

Келеон снимает капюшон и хмурится, на его голубоватом лбу тут же выступают морщинки. Показываются уши – длинные, тонкие и прямые, без видимых отверстий. Келеоны походили бы на больших кошек, если бы в кошках было что-то от ящериц, и при этом их лапы изгибались назад, как у кузнечиков.

– Я не выдаю своих заказчиков, – наконец хрипит он.

– Неправильный ответ! – Я хмыкаю, бросая кинжал между ног келеона и прищипливая его хвост к земле. Он воет и падает в грязь, боль от ранения в самое чувствительное место почти парализует его. Келеоны могут быть в пять раз сильнее и быстрее любого человека, однако и у них есть слабые места. Пока враг занят попытками освободиться, я осторожно ступаю между его распластанных ног и присаживаюсь на корточки, чтобы поймать взгляд. В золотистых и круглых, точно монеты, глазах я вижу ужас и собственное отражение; наклоняюсь, чтобы щелкнуть келеона пальцами по мохнатому лбу, и его зрачки-щелочки расширяются.

– Вот почему надо надевать броню для хвоста, как это делают остальные, глупенький.

– Как? – Он пытит, пасть приоткрыта, так что я могу различить острые резцы. – Подобный бросок... Кто ты такая?

– Разве твой наниматель не рассказал? Так-так, похоже, тебе желали смерти. А мне так не нравится оправдывать чужие ожидания.

Я наклоняюсь и вытаскиваю кинжал. Освобожденный келеон удирает так быстро, что я и глазом моргнуть не успеваю, как он уже мчится по дороге, лелея свой истекающий пурпуром хвост.

– Я Зера! – кричу я. – Вторая Бессердечная ведьмы Ноктюрны. Вот тебе совет на будущее: никогда больше не появляйся на Костяной дороге. – Я делаю паузу. – Но если появишься, захвати новое платье! Ты мне должен!

Белые вороны на деревьях начинают каркать, поднимая страшный шум. Келеон смотрит на них, затем на меня, и его заостренная морда скалится в рыке. Он знает, что это за вороны, и ненавидит их так же, как и все келеоны. Едва он скрывается из виду, я вытираю кинжал от алой крови. Боль в спине резко усиливается.

– Проклятый Кавар, как больно! – Теперь, когда адреналин иссяк, каждое движение приносит страдания.

– Что я говорила насчет упоминания Нового Бога в моем присутствии, Зера? – спрашивает человеческим голосом одна из ворон, приземляясь прямо у моих ног.

– Просто исцели меня, – выдыхаю я. – Без нотаций. Пожалуйста.

– Прекрати паясничать, – отвечает ворона.

– Что значит прекрати? Разве ты не для того держишь мое сердце в том жутком сосуде, чтобы всегда иметь возможность насладиться моим изысканным чувством юмора?

Ворона терпеливо ждет. Как всегда. Хорошо, сдаюсь.

– Ладно. Кавар вонючка. Аминь.

– Зера.

– Я напишу эссе на десять страниц о том, почему Старый Бог круче Нового, после того как ты исцелишь меня. Пожалуйста. Я здесь умираю.

– В третий раз за неделю, – замечает ворона.

– И в сорок седьмой по счету в целом! Ты знаешь, что у людей это число считается несчастливой? Кажется, оно сулит посевам ужасные бедствия.

– Ты опять шпионила за человеческой деревней? Я говорила тебе не подбираться слишком близко...

– Скорее же! – восклицаю я. – Пока я мхом не поросла.

С птичьей версией тяжелого вздоха она прыгает вокруг меня. Обычно, когда я от большого ума пытаюсь вскарабкаться на очень высокое дерево и в итоге ломаю ноги или, того лучше, натыкаюсь на волчье логово и меня рвут в клочья, я исцеляюсь самостоятельно. Конечно, если черпание целебной силы у ведьмы через мое сердце, стоящее в сосуде на ее каминной полке, можно назвать «самостоятельным исцелением». Но сегодня вечером моя ведьма здесь во плоти. Острый край пера задевает открытую рану, и я проглатываю очередное проклятье. Ворона произносит слова, но я не понимаю смысла. Никто не понимает, кроме нее и Старого Бога, который отвечает на призыв, даруя ей магию. Или что-то вроде этого. Прин-

цип работы магических заклинаний мне непонятен, но это работает. Боль пропадает тотчас же, сменяясь странным ощущением, что моя рана затягивается, словно дыра на блузе под рукой швеи. Мои пальцы тянутся к «ране», но нащупывают лишь гладкую кожу да обрывки ткани.

– А ты умрешь, если попросишь Старого Бога залатать и мое платье тоже? – Я с трудом поднимаюсь на ноги.

Ворона распушает грудные перья.

– Возможно.

– Тогда попроси его прямо сейчас. – Ворона в ответ лишь моргает, и я хлопаю в ладоши. – Ну же! Скорей!

– Моя смерть означает твою смерть. Мы связаны, Бессердечная, – замечает она. – И ты это знаешь.

Я со стоном падаю на траву возле грязной дороги.

– Жизнь ничего не стоит, если я осталась без этого чудного вороха шелка и сатина, которые так мне к лицу.

– Это было даже не твое платье. Ты его украла.

– Поэтому оно так сильно мне и нравилось!

Ворона снова раздраженно вздыхает. Ее собратья дожидаются ее на ветвях, и я машу им рукой.

– Мое почтение, дамы и господа! Желаю вам сегодня вечером отлично поколдовать!

Ворона запрыгивает мне на плечо, больно вонзая когти в кожу.

– Есть догадки, кто подослал этого Волнорожденного убить тебя?

«Волнорожденные» – так ведьмы называют келеонов. Когда-то давным-давно магия ведьм вышла из-под контроля: волна от произошедшего накрыла небольшой континент к северу отсюда... И превратила келеонов из диких тварей в разумных существ. Большинство келеонов считают разум проклятием, отклонением от своей истинной сути, и потому яростно ненавидят ведьм.

– Сейчас, во времена третьей эры, мы зовем их келеонами, Ноктюрна. Это не так оскорбительно для них, – настаиваю я. – И нет. Ни единого предположения.

– Пламеней, – Ноктюрна указывает крылом на другую ворону, – рассказал, что на его Бессердечных напали схожим образом. Неизвестный нанял убийц, не объяснив, на кого они охотятся.

– На *что* они охотятся, – поправляю я.

– Именно.

– Значит, их цель – не ведьмы?

– На этот раз нет.

Я подпираю подбородок ладонью.

– Выходит, кто-то хорошо платит ассасинам за убийство Бессердечных. Не объясняя при этом, что цель – именно Бессердечные.

– Да.

– Зачем? Да и кто может позволить себе тратить столько денег при нынешней экономике?

Ноктюрна буравит меня красным глазом. Мне знаком этот взгляд. Означает что-то вроде «как можно дольше сохраняй загадочность и невозмутимость, когда обсуждаешь важные вопросы». Ведьмы любят такой взгляд. Я тоже люблю – люблю его ненавидеть. Про себя, конечно, ведь какой магический раб в здравом уме будет демонстрировать свою ненависть ведьме, контролирующей его судьбу?

– Мне нужно возвращаться на собрание, – в конце концов говорит она. – А тебе пора домой. У тебя есть травы на вечер?

Я указываю на корзину, наполненную подснежниками и базиликом, которую долго таскала за собой.

– Хорошо, – Ноктюрна взлетает, мощно взмахивая крыльями. – Я оставила тебе ужин. В этот раз постарайся есть аккуратно.

– Не обещаю. – Я наблюдаю за тем, как она присоединяется к стае. Вороны взлетают в едином порыве, пугающе синхронные в каждом движении. Ноктюрна однажды пыталась объяснить мне суть этих собраний, но несмотря на свой впечатляющий интеллект, я не поняла ровным счетом ничего. Кроме, разве, того, что ковенам безопасно собираться только во время Алмазной Луны, когда все три луны находятся в полной фазе. Они обмениваются информацией и магией, однако теперь, поскольку живут изолированно и скрыто от людских глаз, собираются в облике ворон – способных летать на большие расстояния и общаться мысленно, без слов. Счастье, что ведьмы всегда обращаются в животных исключительно белого цвета – иначе никто бы и не догадывался, что они рядом.

Когда стая наконец скрывается из виду, я выдыхаю с облегчением. Неважно, сколько я живу так, мне по-прежнему становится плохо от одной мысли о магии. В конце концов, именно из-за нее я стала Бессердечной.

Я кладу руку на грудь и прислушиваюсь к пустоте внутри. Спустя три года мне уже почти не вспомнить, каково это – иметь сердце. Я помню его тепло и трепет, и, если заглянуть еще глубже в воспоминания, боль. Боль, точно вспышка, внезапная, острая и разрушительная. Боль, словно конец света. Если обращать на нее внимание, она лишь усиливается. Поэтому я не обращаю. Бесцельно брожу по лесу, а когда это перестает помогать, надеваю плащ и потрепанную маску и граблю аристократов, путешествующих по Костяной дороге, отбирая у них украшения, платья, что угодно. Что-то красивое. Что-то, благодаря чему я снова смогу почувствовать себя живой.

Я подбираю корзину с травами и возвращаюсь в лес, позволяя теням деревьев поглотить меня. Они по-своему милы, с темными прогалинами и сосновыми шишками, и все же они – лишь прутья в решетке моей темницы. Один из минусов существования в виде Бессердечной – я не могу удалиться от места, где ведьма держит мое сердце: максимум на полторы мили. Стоит мне попытаться, как боль разрывает меня на части, превращая в бесполезную кричащую размазню.

С пригорка за мной с любопытством наблюдает огненно-рыжая лиса. Я машу ей рукой. Но она не двигается с места. До чего внимательный зритель! Редкость в наши дни. Я прочищаю горло.

– Уверена, ты хочешь спросить, ненавижу ли я Ноктюрну. Я имею в виду, любой здравомыслящий человек ненавидел бы того, кто держит в руках его жизнь. Это резонно – и вполне ожидаемо.

Лиса лишь непонимающе моргает.

– Мой ответ... – Я поднимаю палец, словно учитель перед учеником. – Да. И нет. Потому что в жизни ничего не бывает просто. Сплошь хаос и противоречия.

Лиса опять моргает. Я вскидываю руки вверх.

– Хватит глазеть на меня! Разбирайся с богами, если тебя это не устраивает.

Лиса, естественно, в отличие от меня, вовсе не возмущена. Животное скрывается за пихгорком, даже не поблагодарив за полезные жизненные уроки.

Я прилаживаю корзину на бедро и вздыхаю.

– Беседы с животными мы проходили в прошлом году, Зера. Давай-ка придумаем новый и более действенный способ, как скоротать бессмертную жизнь, ладно? Желательно такой, из-за которого ты не будешь выглядеть сумасшедшей.

Я продолжаю размышлять на ходу. Ответ на вопрос лисы – мой собственный вопрос – таков: я не виню Ноктюрну за то, что она отняла у меня сердце, даже несмотря на то, что это извратило мои тело и душу. Как я могу? Она спасла меня от бандитов, убивших всю мою

семью, от мрака самой смерти, и поэтому я служу ей. Я чудовище, а не засранка неблагодарная. И осознаю, что долг платежом красен. Просто... выплачивать мне его еще очень и очень долго.

Я заперта в этом прекрасном лесу, с пустотой в груди и воспоминаниями о содеянном, уже целых три года. Я мало что помню о жизни до смерти – Бессердечные неспособны на это. Воспоминания меркнут, когда сердца вырывают из груди. Но я помню каждую секунду моей смерти. И всего, что было после.

Я жду и жду. И, словно преданный шелудивый пес, жуткий голос в моей голове приходит поиграть.

Пять, – шипит он, точно змеиная чешуя шуршит по полночной траве. – Ты убила пятерых. Одного старого, одного молодого, одного без левого глаза, одного, который ни разу не закричал, и одного с отвратительной ухмылкой, которая померкла слишком быстро. Ты хотела, чтобы он умирал подольше. Чтобы Ноктюрна превратила его в Бессердечного, такого же бессмертного, как ты, вечно страдающего, как ты...

Может, у меня и нет сердца, но по-прежнему есть желудок, и он яростно бунтует. Я уско-рю шаг, словно могу оставить сделанное позади, и деревья расступаются, открывая тропу, недоступную для остальных. Их ветви дрожат, корни трясутся, а кора скрипит от усилий.

Они прячут Ноктюрну добровольно – в отличие от меня у них был выбор.

И вот под ветвями перемещающихся деревьев, прямо в середине моего самобичевания, возникает красивый юноша в оранжевой тунике.

– Ты не убила келеона, – обвиняет он.

Одного взгляда на мальчика достаточно, чтобы голос в голове потускнел и съежился. Наконец-то. Хоть что-то, на чем можно сосредоточиться, помимо прошлого. Я надменно отки-дываю волосы.

– Ну да, я много чего не делаю. Не ношу бордовый, например, и не закливаюсь на мечях. И, конечно же, не убиваю невинных ассасинов.

Парнишка фыркает, не впечатленный. Он выглядит младше меня и останется таким до тех пор, пока Ноктюрна не вернет ему сердце и он вновь не начнет взрослеть. Его черные кудри падают на глаза цвета мшистой зелени, а кожа оттенка глубокой умбры такая же гладкая, как у младенца. Его полное имя Крав Ил'Терин Малдхинна, из рода Малда Железного Кулака. Он Принц-Воин Бескрайних болот, третий и последний Бессердечный ведьмы Ноктюрны, но я придумала ему другое прозвище, которым он крайне дорожит.

– Посмотри на себя, Ворчун. – Я подхожу к нему, демонстрируя, что его макушка достает мне лишь до плеча. – Не дорос ты еще меня допрашивать.

– Да чтоб тебе провалиться! – огрызается он.

– С радостью. – Я хлопаю его по руке. – Как только найду что-нибудь перекусить. Нок-тюрна сказала, что оставила еды. Ты уже ужинал?

Он вытирает рот рукой, и на рукаве остаются красные следы.

– Немного. Я не проголодался.

– Чушь. Мы всегда хотим есть.

– А вот я нет. – Мальчик гордо задирает подбородок. Он стал Бессердечным всего год назад – и до сих пор по-детски не может смириться с этим фактом, как и я когда-то. – А теперь ответь мне. Почему ты не убила того келеона? Он же напал на тебя.

Мы шагаем рядом, и деревья снова расступаются. В густо-лиловых зарослях наперстянки и паслена утопает круглый каменный дом, не больше и не причудливее любого другого дере-венского домика. Магический полог укрывает его крышу от сильных дождей и снега. Из жестя-ной трубы поднимается дымок. В нескольких окошках заметно теплое сияние свечей. И уж не знаю, что особенного в этой поляне, но светлячки облюбовали ее, как ни одну другую в лесу, – в воздухе мигают целые облачка бирюзовых огоньков.

– Не все, что нападает на меня, заслуживает смерти, Крав, – спокойно поясняю я и не жду, что он поймет: люди в Бескрайних болотах живут по правилам военного времени.

– *Число моих ранений должно равняться числу убитых врагов*, – цитирует он любимую поговорку своей родины. Я со смехом подбираю запачканные кровью юбки, чтобы подняться по лестнице к скрытому входу.

– Он не был моим врагом.

– Но он пытался тебя убить! – возражает Крав.

– Это потому, что он не знал, что я такое. Невежество не является преступлением, Ворчун, оно со временем лечится.

Я отодвигаю гобелен, прикрывающий дверной проем. Воздух в коттедже всегда спертый, с густым ароматом трав и специй, а в очаге у стены танцуют языки пламени. В центре комнаты яма, выложенная речными камнями, в которой «отдыхает» разделанная оленья туша с остекленевшим взглядом. Впервые войдя в дом и увидев такого оленя, я подумала, что Ноктюрна совершенно не разбирается в украшении дома. Однако очень скоро я поняла, что для этого жуткого атрибута есть причина – сырое мясо необходимо Бессердечным для жизни. И под «жизнью» я подразумеваю «продолжать существовать как разумное существо, контролирующее свои действия». Мы чудовища, это точно. Но пока мы едим сырое мясо, можем быть чуть менее... чудовищны. Всему виной голод, наполняющий нашу опустевшую грудь, гноящийся, точно плохая рана. Его никогда не утолить, он никогда не пройдет. Но пока мы регулярно пожираем свежую плоть, голод не усиливается, не запускает свои темные щупальца по венам и не туманит разум, превращая нас в нечто куда более страшное.

В зверей. В берсерков. В монстров. И как бы мне ни претили любые традиции, я все же ем отвратительные внутренности оленя каждый день, как порядочная Бессердечная. Ведь мне нравится осознавать себя адекватной.

Потому что однажды я познакомилась с тварью внутри себя. И в тот день поклялась, что больше никогда не выпущу ее наружу.

Пятеро мужчин умерли от твоих рук, омерзительное ты создание...

Я отгоняю мрачный голос, отрывая полоску оленьего мяса и приправляя его травами из корзины. А затем проглатываю все одним махом, стараясь не кривиться. Хоть голод и нельзя полностью заглушить едой, он все же немного утихает, к моему облегчению.

Я мою руки в стоящей в углу каменной чаше и сажусь на подушку рядом с Кравом.

– Итак, как прошел твой день?

Он сидит, надувшись.

– Могла хотя бы искалечить этого келеона на всю оставшуюся жизнь.

– И у меня все прекрасно, спасибо, что спросил, – шепечу я и встаю. – Где Пелигли?

– Может, спит? Я ей не нянька.

– Пелигли! – кричу я у лестницы. – Ужин готов!

Вслед за шелестом одеял слышится легкий топот по деревянному полу, и высокий голосок отзывается: «Зера, Зера, Зера, Зера». Копна морковно-рыжих волос сбегает вниз по ступенькам и врзается прямо в меня. Пелигли – первая Бессердечная Ноктюрна – задирает голову вверх. На бледном круглом лице четырехлетней девочки румянец, в черных как ночь глазах сияют искорки. Ей не терпится приступить к еде – ее зубы, длинные, неровные, острые, точно кинжалы, медленно растут, вылезая из маленького детского ротика. Мы способны контролировать появление своих чудовищных клыков, но в состоянии голода это дается сложнее.

– Зера! Ты вернулась! Ты сегодня заработала монеток? – спрашивает она.

– Монеток нет. Но я сделала несколько ужасных вещей, так что день прошел не зря. – Я с улыбкой убираю пальцем пылинку из уголка ее глаза. Пелигли протягивает ко мне ладошки, показывая, что «хочет на ручки», так что я подхватываю ее, сажаю на бедро и подхожу к оленю.

– Мне нравятся ужасные вещи, – заявляет она.

– Ничего подобного.

– Нет, нравятся! – настаивает она, вырываясь из объятий. Я отпускаю Пелигли и смотрю, как она мчится навстречу ужину. Пухленькими пальчиками девочка выковыривает оленьи глаза, закидывает их в рот, словно вишенки, и счастливо жует, повторяя: – Ужасные вещи – это интегесно!

– Интересно, – вяло поправляет Крав.

Она улыбается окровавленным ртом.

– Ага!

Полное имя Пелигли – Пелигли, ни много ни мало. Если нас с Кравом Ноктюрна обратила в Бессердечных, когда мы висели на волоске от смерти, то Пелигли пришла к ней по собственному желанию. Еще до Пасмурной войны она была сиротой, слонявшейся по улицам Ветриса. Повстречав Ноктюрна, Пелигли последовала за ней и с тех пор никогда ее не предавала. Хотя девочка выглядит младше нас обоих, она служит ведьме уже сорок лет. И настаивает, что именно Ноктюрна не позволила ей участвовать в Войне, а это ничтожное, но все же благословение. Сомневаюсь, что война хорошо отразилась бы на детском разуме – тем более что ей *пришлось* бы воевать.

Именно этим и занимались Бессердечные во времена Пасмурной войны – убивали. Такова наша стезя и причина, по которой нас создавали. Ведьмы ведь такие же люди, просто наделенные магической силой. Но, оказывается, если умеешь создавать из ничего гигантские огненные шары и превращаться в животных, легко можно нажать врагов. Или, по крайней мере, нагнать на других людей страха. Потому что люди, как правило, боятся всего на свете – а уж гигантских огненных шаров и подавно. Нытики, что с них взять.

Я разглядываю ряды потрепанных книг на полках Ноктюрна – колдовских манускриптов, повествующих об истории ведьм. Я перечитала каждую по тысяче раз, потому что разглядывать засохшую на корнях деревьев грязь наскучивает уже через месяц. В книгах говорится, что Бессердечные – воины ведьм. Их телохранители. Пушечное мясо, скажем так. Впрочем, пушки существуют лишь в Пендроне и известны своей чудовищной отдачей, так что... В сущности, мы лишь живые марионетки в руках ведьмы. Барьер между ней и ее врагами. Зачем убивать противника собственными руками, если у тебя есть для этого бессмертный магический раб?

Глядя на Крава и Пелигли, я понимаю, как близки они к тому, чтобы превратиться в убийц. Оба любят Ноктюрна куда сильнее, чем я, – и слишком юны, чтобы осознавать: добрый тюремщик не перестает быть тюремщиком. Они готовы на все ради нее – но я не могу позволить им пойти по моим стопам. Я не дам запятнать эти маленькие ручки кровью.

Я прогоняю любого наемника, напавшего на ведьмин след, и отпугиваю любопытных охотников, забредающих чересчур глубоко в лес, чтобы обезопасить Крава и Пелигли. И я продолжу так делать до тех пор, пока Ноктюрна не умрет, забрав нас с собой, или пока она не вернет мне сердце.

Да, это возможно – ведьма способна отдать сердца обратно своим Бессердечным, и тогда они возвратятся к обычной человеческой жизни. Вспомнят о том, кем были раньше, до Бессердечия. Вот только Ноктюрна говорит, что мы (на самом деле я, конечно) нужны ей для защиты от людей, которые охотятся на нее. Но это не мешает мне продолжать молить ее о свободе. Я ползала на коленях, удовлетворяла все ее прихоти, спрашивала, что может изменить ее решение, но она раз за разом лишь мягко отказывала.

И я смирилась. Может, я и не могу выбраться из леса, но зато слышу, как болтают торговцы и дворяне в каретах перед тем, как я обворовываю их до нитки. И я знаю, что люди ненавидят ведьм. В Пасмурной войне погибла большая их часть, а оставшиеся прячутся в лесах, пещерах, скрываясь во тьме от человеческих глаз.

Но даже если это невозможно – даже если кажется, что такое никогда не случится, я упрямо цепляюсь за крошечный осколок надежды, что когда-нибудь верну себе свою жизнь и опять стану себе хозяйкой. Я завидую убийце-келеону, стораю от зависти к каждому, кто проезжает по Костяной дороге. Поглощенные собственными проблемами, они все же вольны делать что угодно, идти туда, куда хочется. Им бы замереть на мгновение и осознать, что перед ними целый мир, что они уже обладают самым драгоценным – властью над собственной судьбой.

У меня отняли ее в день смерти, и с тех самых пор я гоняюсь за ее призраком. Так что в этой пьесе я скорее трагическая фигура.

Я высовываю язык, от этих мыслей во рту появляется горечь. Как нелепо... Трагическая? Я? Безупречно модная и искрометно остроумная – такие эпитеты мне бы больше пришлись по душе. Ну и хотелось бы уже прекратить заниматься самобичеванием.

Крав всегда знает, о чем я думаю. Он обладает поразительной способностью читать лица – возможно, это особое умение Принца-Воина, а может, все из-за наличия дюжины братьев и сестер. Мы сидим бок о бок, разглядывая оленьи останки.

– Ноктюрна приберется с помощью магии, – заявляет он.

– Хвала Старому Богу, – вздыхаю я. – Представляешь, какие останутся пятна?

Воцаряется тишина, снаружи доносится стрекот сверчков.

– Ты ведь уже спрашивала ее? – осторожно интересуется Крав. – Про наши сердца?

Я бросаю на него колючий взгляд.

– Как ты об этом узнал? Подслушивал?

– Она всегда оставляет дверь открытой, – бурчит он. – И ты всегда заводишь разговор примерно в это время. Я не сплю и слушаю.

– Чтобы больше такого не было, – строго замечаю я. – С этого момента.

– Речь и о моем сердце тоже! – протестует он. – Я хочу знать, когда получу его обратно.

Я думала, что только мои надежды разбивались снова и снова. Специально приставала к Ноктюрне с вопросами наедине, чтобы не задеть чувства Крава и Пелигли. Но все старания оказались напрасны – он подслушивал.

– Ты должна спросить ее опять, – настаивает он. – Мне кажется, на этот раз она обязательно их вернет.

– Не вернет! – обрываю я. – Мы никогда не получим их назад, ясно? Ни сейчас, ни потом. – Пелигли вскрикивает от моего тона. Крав вздрагивает, его глаза вдруг наполняются слезами, и меня тут же охватывает чувство вины. – Крав, о нет. Прости меня, я...

Он вскакивает и бросается к двери. Я делаю несколько шагов за ним, но Крав быстрее любого из нас – если он не захочет, никто его не поймает. Мне не стоит и пытаться устраивать догонялки в лесу, рана от кинжала истощила меня сильнее обычного.

Пелигли тянет меня за руку, глаза ее полны страха.

– Это... Это же неправда, да? Мы ведь вернем их... однажды?

Пелигли была обращена добровольно, но даже ее юный разум устал за десятилетия бессмертного существования. Не важно, насколько ты юн и горишь рвением, рано или поздно любой Бессердечный устает. Устает от пожирания сырой плоти. Устает от неизменного пейзажа вокруг. Устает от ядовитого гласа внутреннего голода, звучащего у нас в голове. Устает от ощущения пустоты, несовершенства, неполноценности. Устает просыпаться с осознанием, что от превращения в монстра нас отделяют всего несколько пропущенных ужинов. Устает от того, что не помнит, как жил прежде и кого любил.

Я иду по саду, покачивая Пелигли на руках, рой светлячков освещает ее заплаканное лицо, пока всхлипы не переходят в икоту, а маленькое тельце не погружается в бледное подобие сна, доступное Бессердечным. Мы *не нуждаемся* во сне, ведь наши тела восстанавливаются автоматически, с помощью магии, однако человеческий мозг порой забывает об этом и воз-

вращается к старым привычкам. Я захожу обратно в коттедж и осторожно укладываю Пелигли на овечью шкуру, на которой она спит.

– Прости, – шепчу я, укрывая ее. – Прости, что я была так жестока.

Жестокость – слишком слабое определение твоей выходки, – насмешничает голод. – Посмотри на нее – ты разбила ей сердце; неважно, человек ты или Бессердечная, все равно ты мерзкая...

– Огонь сегодня такой чудесный, не правда ли? – бормочу я, чтобы заглушить голос. – Такой... горячий. Исполненный... пламени. – Я замолкаю, а затем продолжаю, обращаясь к самой себе. – Как и прежде, поэт из меня никудышный.

Я встаю и подхожу к очагу, чтобы погреть ладони. Пламя странное – черно-голубое, как застарелый синяк, но Ноктюрна никогда не объясняла, почему оно такое необычное. Впрочем, я и не интересовалась – откровенно говоря, ее объяснения магических штучек чаще всего абсолютно бессмысленны. Мои пальцы тянутся к крепкой железной клетке прямо над огнем. Прутья достаточно толстые, но в просветах между ними все же видны три сосуда с бьющимися внутри сердцами. Я как-то спросила Ноктюрну, зачем она подвесила их над огнем. Ведьма лишь улыбнулась и ответила, что сердца необходимо держать в тепле, неважно, с помощью огня или заклинаний. На железной клетке – вмятины, оставленные мной в прошлом: охваченная гневом, я лупила по ней отцовским мечом до тех пор, пока руки не начинали кровоточить, а ноги не подкашивались. Хотела уничтожить свое сердце, чтобы прекратить это раз и навсегда. Позже я узнала из книг, что подобное называется «уничтожением», и это единственный способ покончить с Бессердечным, не считая убийства ведьмы-хозяйки.

И хотя клетка кажется совершенно обыкновенной, она заколдована. Просунуть что-то между прутьями невозможно – там стоит невидимый барьер. Ноктюрна лишила нас даже возможности свести счеты с жизнью.

Одним словом, все сложно, как я и сказала лисе.

Сердце Пелигли самое маленькое. Ее сосуд старый, поцарапанный, истерзанный временем. Сосуд Крава из морского стекла с гравировкой из виноградных лоз. Его сердце чуть больше и бьется очень быстро, как будто с усилием. Возможно, из-за того, что Крав бежит. Предложу ему утром тренировочный бой длиннее обычного. Ему понравится такое извинение.

Мое сердце – в середине. Елизера – или коротко Зера – фамилии не помню, вторая Бессердечная ведьмы Ноктюрны. Шестнадцатилетняя на момент смерти. Мое сердце, самое большое из трех, покоится на дне резного красного сосуда. В книгах пишут, что ведьмы изготавливают сосуды своими руками, хотя некоторые предпочитают мешочки или ящички. В этом ремесле они практикуются с юности, по мере взросления становясь все искуснее. Изделия Ноктюрны – от простого сосуда Пелигли до элегантной емкости Крава – демонстрируют рост ее мастерства. Сколько еще сосудов будут лежать здесь бок о бок десять или двадцать лет спустя? Я молюсь всем богам, чтобы к тому времени моего сердца здесь не было. Слишком страшно увидеть сосуд, выполненный искусней, чем сосуд Крава.

В этот миг дверь наверху шаткой лестницы со скрипом отворяется, и луч света скользит по моему лицу.

– Зера? – спрашивает Ноктюрна. – Не могла бы ты подняться на минутку?

– Возможно, – протягиваю я. – Или я могла бы остаться здесь и не утруждать себя домашними хлопотами.

Ведьма смеется.

– Отпугивать наемников вряд ли так уж хлопотно для тебя.

– Ты права. Это пустяки. Но этот пустячный геморрой – в моей заднице.

– Никаких наемников, обещаю.

– Речь об охотнике, не так ли? – вздыхаю я. – Охотников намного сложнее отвадить. И все они рассказывают байки о голодных детях, которых надо кормить. Вспомни, как ты согласилась отдать одному кабана, а тот охотник в итоге почти прострелил тебе голову за то, что ты «язычница»...

– И никаких охотников, – мягко прерывает она. – Просто беседа, с глазу на глаз.

Пока я со вздохом поднимаюсь по лестнице, в животе все скручивается. Я всегда нервничаю, оказываясь возле ее комнаты: есть нечто в этом запахе – лилии и сандаловое дерево, – что выводит меня из равновесия. А может, дело в сочащейся оттуда магии; воздух из-за нее настолько густой, что кажется, будто я вдыхаю туман.

Я толкаю дверь, и мои глаза пытаются привыкнуть к тысячам стеклянных цветов, освещающих комнату. Любимое занятие Ноктюрны – создавать растения из стекла. Десятками они расставлены в вазах, корзинах, некоторые просто парят в воздухе. Нежные, в мельчайших деталях воссозданные орхидеи и розы поблескивают прозрачными лепестками, отражающими и преломляющими свет свечей тысячами ослепительных бриллиантовых бликов. Есть цветы, чьи названия мне неизвестны, некоторые сияют собственным светом, другие закручены причудливым образом. Есть те, что дышат, словно живые, усыпая деревянный пол кристальной пылью, точно снегом. Я видела, как она использовала их, чтобы «видеть»: порой цветы показывают картинки некоторых частей леса. Подозреваю, они как-то связаны с прячущимися нас деревьями, однако это лишь моя магическая теория.

Ноктюрна восседает посреди цветов на простом деревянном стуле. Комната абсолютно пуста, не считая кристальных творений, – здесь нет ни кровати, ни шкафа, ни даже стола. Когда Ноктюрна не пребывает в облике вороны, то производит сильное впечатление: полная грудь, едва не рвущая обтягивающее белое платье, широкий стан и крепкие руки. Она настолько высокая, что в дверных проемах ей приходится пригибаться, и, хотя ей ничего не стоит изменить их высоту с помощью магии, она этого не делает. По спине ведьмы струится копна рыже-красно-каштановых волос, всегда блестящих и вьющихся на концах. У нее чувственные губы, а на приятном круглом лице сверкают глаза цвета лесного ореха, чей взгляд острее лисьего и полон диких тайн.

Она встает со стула и будто скользит. Плавность ее движений завораживает меня сильнее всего – порой кажется, что ноги Ноктюрны не касаются земли. Если Бессердечные еще могут сойти за людей, то любой, кто посмотрит на нее, тут же поймет, что она вовсе не человек. Ноктюрна родилась ведьмой и воспринимала необходимость создания Бессердечных как нечто столь же естественное, что и дыхание. И она, безусловно, не худшая из них; я прочла достаточно, чтобы знать: Ноктюрна обращает лишь детей, которых убили слишком рано, детей, заслуживающих еще один шанс на жизнь. Есть – а точнее, *были* – в истории некоторые просто *замечательные* ведьмы, которые обращали людей лишь для того, чтобы посмотреть на их страдания. Некоторые даже делали это ради статуса. И только очень могущественные ведьмы могут удерживать нескольких Бессердечных одновременно: чем их больше, тем могущественней ты выглядишь. Большинство подобных ведьм погибли в Пасмурной войне. Оставшиеся обращают Бессердечных куда реже и действуют осторожнее.

– Есть новости, Зера, которыми мы должны поделиться с тобой, – начинает Ноктюрна. В этот момент я замечаю двух белых ворон, сидящих на подоконнике в дальнем углу. – Если вы не против, друзья...

Вороны начинают светиться и слетают на пол. Сияние движется, формируя два человеческих силуэта, и тут же меркнет. Перед нами оказываются двое: бледный лысый мужчина в безукоризненно сидящем золоченом костюме и женщина с короткими ярко-голубыми волосами в струящемся прозрачном платье, едва ли скрывающем ее черную как ночь кожу. Оба настолько высокие – хотя и ниже Ноктюрны – и настолько жуткие, что у меня по коже бегут мурашки от силы, исходящей от них.

– Зера, это Пламеней, – Ноктюрна указывает на мужчину, который сдержанно кивает, – и Мореш. Они прибыли ради тебя.

– Ради моей скромной персоны? – нервно переспрашиваю я. – А у меня даже чая нет, чтобы вам предложить.

– Молчать. – Пламеней делает шаг вперед, буравя меня взглядом. – Ты будешь слушать, а не говорить.

Ну прекрасно. Один из этих мужланов. Мореш шикает на него.

– Полно тебе, веди себя прилично. – Она поворачивается ко мне. – Я извиняюсь за него. Он немного... старомоден, когда дело касается общения с Бессердечными.

– Мы не можем терять время, – обрывает он, – на сюсюканье с нашими зверушками. Она нужна нам в Ветрисе прямо *сейчас*. Весеннее Приветствие...

– Через четыре дня, – мягко прерывает его Ноктюрна. – Мы вполне успеваем просветить ее насчет того, что происходит. От растерянной Бессердечной толку мало.

Пламеней открывает рот, чтобы возразить, но тут же его закрывает.

– Отлично. Тогда ты и объясняй. Только быстро. Карета ждет, а люди славятся своей нетерпеливостью.

– Ветрис? Карета? Весеннее Приветствие? – начинаю я. – Он всегда несет чепуху или сегодня вечером особый случай?

Пламеней сверлит меня взглядом, который, как я понимаю, должен казаться *крайне* устрашающим, однако в реальности маг выглядит так, будто страдает запором. Мореш наклоняется, чтобы ее глаза оказались на одном уровне с моими, но ее искрящийся беззаботный взгляд ничуть не вяжется с серьезностью следующих слов.

– Мы считаем, что люди вот-вот развяжут очередную войну, Зера, – говорит она. Я бросаю быстрый взгляд на невозмутимую Ноктюрну. – Тот ассасин, который напал на тебя вечером, – у тебя сохранился его кинжал?

Я обшариваю свое окровавленное платье и протягиваю ей оружие. Знающим движением она нащупывает маленькую защелку на ручке, открывая внутреннюю полость, где покоится трубка с белой жидкостью. Пахнет чем-то едким и горьким.

– Из-за этой штуки болело сильнее обычного? – спрашиваю я.

Мореш кивает.

– Белая ртуть. Это вещество стало известно людям во время Пасмурной войны.

– Они *изобрели* его, чтобы убивать нас, – холодно поправляет Пламеней. – И это из-за него мы были ослаблены во время решающей битвы при Лунном Свете. Стоило даже небольшой капле оказаться внутри, и магия не действовала часами, превращая нас в легкую добычу.

Мореш кивает.

– Человек – мы не знаем, кто именно, – снаряжает наемников подобным оружием и посылает их в предполагаемые места обитания ведьм. Очевидно, чтобы проверить эффективность белой ртути против Бессердечных и подготовиться к войне.

Я хмурюсь.

– Эта дрянь не убила меня, даже не обездвигила.

– Цель вовсе не ты. – Пламеней прищуривается. – Белая ртуть подавляет магию – это касается и связи между ведьмой и Бессердечными, – так что для исцеления зараженного белой ртутью требуется куда больше магической силы. Напряги свой зверушечий мозг – если ранить всех Бессердечных ведьмы, ей придется исцелять всех, и к чему это приведет?

– К ослабленной ведьме.

Он кивает.

– Легкая цель даже для воина-новичка.

– Умно. И мерзко. – Я прикладываю ладонь ко рту. – Но причем здесь я?

Два мага смотрят на Ноктюрну, и она мягко кладет ладонь мне на плечо.

– Верховные ведьмы разработали план, Зера, чтобы оттянуть войну. Ты знаешь, что такое Весеннее Приветствие?

– Полагаю, какая-то древняя церемония в Ветрисе, помпезная, с кучей блестящей мишуры и сладостей.

– Хватит тянуть kota за хвост, – ворчит Пламеней. – Ты едешь в Ветрис. Тебя представят как знатную даму, мечтающую выйти замуж за принца, и как только появится возможность, ты заберешь его сердце и обратишь его в Бессердечного Ноктюрна.

Повисает долгая пауза. Я фыркаю.

– Ты шутишь так же отвратительно, как и я. Почти.

– Нам нужен принц в качестве пленника, – настаивает он. – Заложник. Рычаг давления на людей.

Я бросаю взгляд на Ноктюрна, но она молчит. Мореш тоже, словно обе ждут моей реакции. Вся идея настолько абсурдна, что я с трудом сдерживаю смех.

– Даже если бы я захотела поиграть в переодевания и предательства, вы забываете, что я не в состоянии отойти больше чем на полторы мили от собственного сердца, не превратившись в визжащую никчемность. С таким делом куда лучше справилась бы ведьма.

– Мы не можем, – мягко отвечает Ноктюрна. – В городе люди возвели башню под названием Багровая Леди. Мы до конца не уверены, как это работает, но, похоже, башня практически мгновенно улавливает всплеск магии в Ветрисе. Мы потеряли всех ведьм в городе в течение нескольких дней.

– Их утопили, – мрачно произносит Мореш, на этот раз без улыбки.

– Но... – Я пытаюсь уцепиться за что-то, за что угодно, начиная осознавать, что они абсолютно серьезны. – Я? Я жива только потому, что меня поддерживает ваша магия. Та башня вычислит меня...

– Ты не являешься проводником магической силы в отличие от ведьм. – Пламеней закатывает глаза. – Магия лишь привязывает тебя к этому миру. Эта проклятая башня заметит Бессердечного не раньше, чем глаза увидят ветер.

– И вы решили, что для этой роли лучше всего подхожу я? Разве у других ведьм нет Бессердечных, которые умеют танцевать и целовать вельможные задницы лучше меня?

– Всего несколько подходят по возрасту для Весеннего Приветствия, – уточняет Ноктюрна. – Это церемония официального представления потенциальных супругов королевских отпрысков при дворе Ветриса. Принц отверг столько невест, что людей уже охватило отчаяние. Это великолепная возможность. И Верховные ведьмы решили, что из всех наших Бессердечных ты наиболее привлекательна внешне.

Мореш встревает в разговор.

– Если мы хотим заполучить в Бессердечные самого принца, нам понадобится сногшибательный капкан. И ты идеальная приманка!

– С-сногшибательный? – запинаясь я. – Сногшибательно раздражающий? Или сногшибательно горластый?

– Сногшибательный в плане... Ну, в общем, у тебя милая мордашка, – говорит Мореш, останавливая взгляд на моей груди. – Среди всего прочего.

– Вы шутите, да? Выбор пал на меня из-за моих?..

– По нашим сведениям, у него есть любимый типаж, ясно? – Мореш поднимает руки. – И ты подходишь!

– Слушайте, я польщена, но...

– Ох. Избавь меня от ложной скромности, – рычит Пламеней. – У меня кончается терпение.

– Плам, – строго обрывает Мореш, – хватит. Она ошеломлена.

– Мне бы хотелось, чтобы ты перестала ее оправдывать, – холодно цедит он. – Она Бессердечная. И должна повиноваться, а не задавать вопросы.

– Я служу только Ноктюрне. – Я расправляю плечи. – И никому больше. Уж тем более не такому слизняку, как ты.

Лицо Пламенея темнеет, но Мореш с широкой улыбкой встает между нами.

– Значит, ты согласна, не так ли?

– Восемнадцатилетний Люсьен Древенис д'Малвейн, – перебивает ее голос Ноктюрны. – Наследник всего Каваноса и Высоких рубежей, эрцгерцог Толмаунт-Килстеды. Также известный как Черный Орел Запада.

– Впечатляющий список титулов и все такое, но я все равно не могу покинуть этот лес.

Мореш пихает мне что-то под нос – небольшой медальон в форме сердца с выгравированными звездами и тремя лунами. Заинтригованная, я беру его, и она улыбается во весь рот.

– Давай, открой его.

Я осторожно открываю медальон и вижу внутри кусок розовой плоти. Бьющейся в крайне знакомом ритме.

– Это?..

– Кусочек твоего сердца! – заканчивает Мореш. – Я сама сделала медальон. Это позволит тебе уйти намного, намного дальше от твоего сердца, чем обычно. Достаточно далеко, чтобы добраться до Ветриса, это уж точно.

– Она забыла упомянуть, что знание о магии такого уровня было утеряно во время Войны, – вставляет Пламеней. – И что четыре ведьмы погибли в попытке сотворить подобное заклинание.

– О, не нагоняй жути. – Мореш несильно шлепает его по руке. – Все ради дела, не так ли? Уверена, цена себя оправдает. Если только Зера согласна ехать.

– Вам *обязательно* нужно превращать его в Бессердечного? Почему нельзя просто похитить? – спрашиваю я.

Пламеней фыркает.

– Потому что Бессердечным можно приказать, что делать. Их можно заставить.

– Заставить? – Я морщусь нос. Лицо Пламенея озаряет догадка, и он переводит взгляд на Ноктюрну.

– Только не говори мне, что ты никогда так не делала? – спрашивает он. Ноктюрна прячет глаза. Пламеней смеется, в первый и, возможно, в последний раз. А затем переводит взгляд обратно на меня. – Забавно. Хотя и следовало ожидать. Ноктюрна всегда была мягкотелой.

– Что ты имеешь в виду?..

– Вложив достаточно магической силы, ведьма способна не просто приказывать Бессердечным, а заставить их подчиниться. Вот почему нам нужен Бессердечный принц – в противном случае он может сбежать или попытаться убить нас. Или послать весточку отцу. Если же принц будет Бессердечным, Ноктюрна прикажет ему вести себя тихо, быть стоворчивым. Так ведь?

Пламеней буравит взглядом Ноктюрну, но та отводит глаза. Я не знала. В книгах никогда о таком не писали. Я-то наивно полагала, что сырая оленина на ужин и охота на незваных гостей в лесу – плохо. Но это? Она может полностью нас контролировать, хоть и не использует свою силу? В зеленых глазах Ноктюрны застыла глубокая грусть.

– Ты сделаешь это, Зера? Принесешь сердце принца Люсьена?

Она спрашивает меня, а не приказывает. Ноктюрна отличается от Пламенея и от всех остальных ведьм, которые, очевидно, раздают своим Бессердечным приказы. В груди сдавливает так, что я начинаю задыхаться.

Ноктюрна считает людей отчаявшимися, но как же должны были отчаяться ведьмы, если им так нужен принц в качестве пленника. Настолько сильно, что все надежды они возлагают

на первую попавшуюся смазливую мордашку и надеются, что это сработает? Внезапно я чувствую брезгливость. Словно я кусок мяса, выставленный на продажу. Ноктюрна молча подходит сзади, вынимает кулон из моих рук и застегивает цепочку у меня на шее.

– Разве Багровая Леди не отследит это магическое ожерелье? – спрашиваю я.

– Я же говорил, – ошетинивается Пламеней. – Они не могут обнаружить связь...

– Ладно, ладно. Допустим, я отправлюсь в Ветрис, – прерываю я. – Что дальше? Просто подойду к принцу и скажу: «Привет, красавчик, надеюсь, ты в восторге от тяжелых увечий?» А потом заберу сердце?

– Если бы все было так просто. – Мореш качает головой. – Есть одна придворная дама – она ждет тебя в карете у леса. Ее семья одна из немногих среди рода людского, что все еще чтит Старого Бога. Она представит тебя своей давно пропавшей племянницей и поможет заручиться расположением двора.

– Как вы можете быть уверены, что она не предаст...

– Мне это надоело, – выплевывает Пламеней. – Твои вопросы бессмысленны. Все уже спланировано – ты должна ехать *сейчас же*. Ноктюрна, если она будет упираться, прикажи ей...

– Дадите нам минутку? – голос Ноктюрны звенит как струна. Пламеней выглядит рассерженным, но Мореш тактично оттаскивает его в сторону. В ослепительном сиянии они превращаются в ворон и вылетают в окно. Ноктюрна поворачивается ко мне с мягкой улыбкой.

– Извини. Они... на взводе. Мы все на взводе с тех пор, как узнали о приближающейся войне.

– Неужели они действительно готовы доверить будущее моим маленьким грязным пальчикам? – Я поднимаю ладони вверх, под обкусанными ногтями – грязь. Она нежно обхватывает мои руки своими.

– Нет. Но нас очень мало. А это оружие с белой ртутью, созданное людьми... – Она вздыхает. – Я буду откровенна с тобой, Зера: мы не переживем очередную войну, если только не опередим людей. Обращение принца – не единственный наш план, но один из немногих, что способен выиграть время для подготовки других. Мы надеемся, что король не пожелает потерять единственного наследника и воздержится от нападения до тех пор, пока принц будет у нас.

Я разглядываю парящую стеклянную розу, мое лицо искажается в отражении. Кожа у Ноктюрны мягкая и прохладная, ногти длинные и женственные.

– Ноктюрна, я...

– Я не прошу тебя защищать нас даром, – быстро добавляет она. – Я и так делала это слишком долго. Если ты выполнишь задание, я верну тебе сердце. И Пелигли, и Краву – все ваши сердца будут возвращены. Ты получишь свободу, о которой так часто просила, если добьешься успеха.

Надежда заполняет мою пустую грудь палящим светом. Снова стать цельной? Быть человеком, идти куда захочу, есть настоящую еду, слышать в голове только свой голос? Вернуть воспоминания о матери и отце, их любви ко мне перед тем, как они умерли? Это все, чего я жаждала так долго, все три года блужданий в темном лесу. Отголосок стыда направляет мои мысли в другую сторону; стоит мне согласиться, другой сосуд появится на полке Ноктюрны. Но если я скажу да, он станет *единственным*.

– Я это сделаю, – в конце концов говорю я.

– Это будет трудно. И опасно.

– Неважно. – Я выпрямляю спину. – Если бы ты сказала мне спуститься под землю и убить сотню огнедышащих валкерасов ради моего сердца, я бы и это сделала. Но ты не сказала. Ты всего лишь попросила меня добыть чье-то надменное знатное сердце. А это куда проще.

Ноктюрна посылает мне улыбку, редкое и потому особенно приятное зрелище. Мы вместе спускаемся по лестнице. Крав вернулся и спит на овечьей шкуре рядом с Пелигли. Я начинаю собираться, но Ноктюрна шепотом меня останавливает.

– Леди И'шеннрия обеспечит тебя новой одеждой. Идем, я провожу тебя к ней.

Я смотрю на сонное личико Крава.

– Можно мне попрощаться?

Она кивает.

– Встретимся снаружи, когда будешь готова.

Я становлюсь рядом с ними на колени так тихо, как только возможно. Темные кудряшки Крава поблескивают у него на щеках. Веки мальчика слегка красноватые и припухшие, а ботинки грязные. Возможно, он бегал к истоку ручья. Там спокойно, а я знаю, что он плачет только когда остается один, прямо как я. Мы оба слишком гордые – не желаем, чтобы кто-то видел нас в минуту слабости.

– Не переживай, Ворчун. – Я глажу его по щеке. – Я верну твое сердце.

Если смотреть под определенным углом, они кажутся обычными человеческими детьми. Детями, обладающими сердцами и свободой, растущими и меняющимися, а не застывшими в волшебной неподвижности. Глядя на их мирный сон, я начинаю верить, будто могу все исправить – отыграть назад совершенные убийства, освободив друзей. И неважно, что это не так.

Я покидаю коттедж лишь со старым отцовским мечом в руках – с ржавой рукоятью и выщербленным лезвием, но все еще сохраняющим подобие достоинства. Это все, что осталось у меня от отца и всей моей прежней жизни. Три мага обсуждают что-то, стоя в гуще наперстянки, пока вокруг них танцуют светлячки. Как только я подхожу, они замолкают.

– Решено. – Пламеней поправляет лацканы пиджака. – Если люди вычислят, кто ты такая на самом деле, они, скорее всего, попытаются пытками выбить из тебя информацию. Мы не можем допустить разглашения. Леди И'шеннрия пошлет весточку, если тебя обнаружат, и Ноктюрна осуществит твое «уничтожение».

Взглядом пронзаю Пламеней, словно острейшим кинжалом.

– Меня рвали на части дикие кошки, а люди протыкали насквозь. Я падала со скалы, и в моем теле не оставалось ни одной целой косточки. Забавно, что ты считаешь, будто какие-то пытки развяжут мне язык.

– Речь не о «каких-то» пытках, – усмехается он. – Мы не можем никого отправить в Ветрис, чтобы освободить тебя. Участь пойманного шпиона всегда незавидна. Годы боли, которой ты не в силах даже представить, – люди начнут заполнять твои вены белой ртутью, будут сжигать тебя изнутри вновь и вновь. *Медленно*. И это лучший из возможных сценариев.

Мое лицо цепенеет, но я стараюсь держаться, чтобы не доставить ему удовольствие. Даже не моргаю.

Ноктюрна шепчет, стараясь не встречаться со мной взглядом:

– Я бы предпочла, чтобы тебе не пришлось страдать больше, чем сейчас, Зера. Надеюсь, ты понимаешь, почему это необходимо.

Конечно, я понимаю. Понимаю, что моя жизнь в ее руках, и она вольна делать с ней что угодно. Что у меня нет прав настаивать, или решать, или даже изменить что-либо. Это судьба Бессердечной, цена нашей бессмертной жизни – цепи тяжелее свинцовых.

Но я могу разбить их. Наконец я знаю, как это сделать – с помощью маленького избалованного сердца принца Люсьена.

– Вы двое готовы? – спрашивает Пламеней. – Карета ждет.

Я бросаю на него быстрый взгляд. В лунном свете на лице Пламеней проступает страх, прячущийся за приказным тоном и гневом. Даже улыбка Мореш теперь кажется мне какой-то бумажной, ее губы дрожат, словно она старается удержать что-то внутри. Несмотря на всю их силу и могущество, они все равно боятся войны – и смерти. Быть стертými из этого мира – страх всех живых существ. Страх, который я однажды обрету вновь.

– Да. – Я выпрямляюсь. – Я готова.

– Хорошо. – Наконец-то он выглядит довольным мной. – Тогда вставай в центр, между нами. Мы переправим тебя на место – это быстрее, чем идти пешком, а ты явно нуждаешься в форе.

Три мага формируют треугольник. Мореш обеспокоенно смотрит на Ноктюрну.

– Ты уверена, что помнишь заклинание, Нокти? Тебя так долго не было подле Древа...

– Я помню, – мгновенно отзывается Ноктюрна. Ведьмы стоят молча и неподвижно. В одно мгновение их глаза выглядят совершенно обычными, а в следующее уже заполняются чернотой, от одного уголка до другого. Кончики их пальцев чернеют, ногти вытягиваются и заостряются, как когти, тоже полностью черные. Сгущающаяся тьма неестественна – она холодная и пустая, намного чернее ночи, будто магия пожирает саму суть цвета. Она поглощает их кожу до самых запястий. Чем сильнее заклинание, тем выше чернота поднимается по конечностям ведьм... Раньше я видела у Ноктюрны лишь черные уголки глаз да кончики ногтей... Видимо, это заклинание весьма могущественное. Рты ведьм синхронно открываются, они произносят одинаковые слова, но я слышу лишь ревушую тишину леса. Они говорят на языке Старого Бога – возносят беззвучные молитвы. Наперстянки вокруг меня колыхнутся от внезапного порыва ветра, светлячки разлетаются в стороны.

Ноктюрна резко открывает глаза – уже не черные, а зеленые, как обычно, – и улыбается мне.

– Будь осторожна, Зера.

– Ты... тоже. – Едва моргнув, я заканчиваю фразу уже в совершенно другом месте, с грязной дорогой и мглистым полночным горизонтом. С одной стороны тянется лес, с другой – огромные травянистые равнины, а под моими ногами лежит Костяная дорога.

Я не видела мир по эту сторону леса целых три года и теперь жадно наслаждаюсь пейзажем. Высокая трава нежно шевелится от дуновения ночного ветерка. Все выглядит таким огромным, что давит на меня; три луны кажутся еще больше вдали от крон, скрывающих их лики. Я пользуюсь моментом, чтобы глубоко вдохнуть – не липкий, густой сосновый воздух, но яркий, живой запах земли, до ядра прогреваемой солнцем и охлаждаемой лунами каждый божий день.

Карета, затянутая в синевато-серые шелка и запряженная двумя чальными кобылами, ждет неподалеку. Кучер машет мне шляпой. Я бросаюсь к нему, лишь раз оглянувшись на бархатный лес. Я и забыла, какое это странное чувство – уезжать куда-то. Оно тает на языке, как горько-сладкая снежинка. Это вкус свободы, который я жаждала ощутить все последние три года – свободы, что ждет меня в груди принца Люсьена Древениса д'Малвейна.

Глупая девчонка. Никогда ты не обретишь свободу. – Голод, точно паук, засевший в темных уголках моего сознания, закатывается в хохоте. – Неважно, как сильно ты мучаешься, как далеко пытаешься убежать, те люди по-прежнему мертвы из-за тебя. Вечные тени содеянного слишком длинны.

Обычно я не отвечаю голоду. Тьма, поселившаяся у меня внутри, напоминает мне обо всех моих ошибках. Я предпочитаю ее игнорировать, подавлять своим собственным внутренним голосом, любой шуткой или мыслью, приходящей на ум. Но сегодня, чисто из принципа, я подаюсь вперед и шепчу в ответ:

– Тогда, возможно, пришло время разжечь пламя поярче.

Глава 2

Железная леди

Бодрым шагом подхожу к карете, клубы теплого лошадиного дыхания парят в холоде ночи.

– Значит, это вы мои новые сообщники? – спрашиваю я мужчину, который махал мне шляпой.

Он слезает с облучка, ужасно долговязый, с длинным лицом в орехово-коричневых морщинах. Он настолько худой и высокий, что напоминает пугало, лишенное набивки. А вот улыбка производит куда большее впечатление, чем его тело.

– Так и есть, мисс. Я Фишер Джелл, кучер леди И'шеннрии. – Он протягивает ладонь для рукопожатия, но тут же отдергивает ее, нервно вытирает о штаны и расплывается в извиняющейся улыбке. – П-простите.

– За что? – Я недоуменно моргаю.

– Вы э... Ну. – Он собирается с духом, чтобы закончить мысль.

– Не напрягайся, Фишер, – глухой голос доносится из окна кареты. – Она Бессердечная, а не человек. Нет нужды быть вежливым.

Женщина слегка высовывается из окошка, ее темные пышные волосы собраны на макушке и аккуратно скреплены аметистовыми заколками. Платье с фиолетовыми кружевами прекрасно оттеняет темную кожу, а взгляд пронзительных ореховых глаз на фоне высокого воротника каким-то образом кажется еще более властным. У леди гладкая кожа, настолько ухоженная, что возраст выдают лишь морщинки у глаз и губ.

Она окидывает меня оценивающим взглядом с головы до ног. И морщит носик при виде окровавленного платья и потертых, чиненных-перечиненных ботинок. Уверена, это и есть леди И'шеннрия, о которой говорили ведьмы. Она настолько царственна, что я почти робею. Почти. Все три года бессонных ночей я клялась себе, что сделаю что угодно ради освобождения своего сердца, и вот, когда час пробил, я не отступлю.

Прочистив горло, я заявляю:

– Я Зера. Вторая Бессердечная ведьмы Ноктюрны...

– Я в курсе, – вздыхает И'шеннрия. – Иначе зачем бы мне здесь находиться? – Рукой в перчатке она открывает дверь. – Входи. У нас много работы и слишком мало времени, чтобы все успеть.

Я залезаю внутрь и усаживаюсь на плюшевое сиденье напротив нее. Леди тут же отодвигается в угол, точно боится чем-то заразиться.

– Разве вы не слышали? Бессердечные не переносят болезни. – Я широко улыбаюсь, но леди меня игнорирует.

– Доставь нас домой, Фишер, – приказывает она в окошко. Фишер понукает лошадей, и карета приходит в движение, покрытые сталью колеса с усилием взрезают дорожную грязь. Я ни разу не ездила в карете с тех пор, как перестала быть человеком, а уж в такой изысканной – вообще никогда. Внутри все пахнет корицей и розами, хотя, возможно, это запах духов леди.

– На людях будешь обращаться ко мне «леди И’шеннрия», – безапелляционно заявляет знатная дама, неотрывно глядя в проплывающий за окном лес. – С глазу на глаз будешь обращаться ко мне «леди И’шеннрия».

– Нелегко будет запомнить, – тяну я.

Она и бровью не ведет.

– С этого момента ты леди Зера И’шеннрия, незаконнорожденная дочь моего сводного брата и моя последняя оставшаяся в живых родственница.

Последняя оставшаяся в живых? Я разглядываю ее лицо – вблизи она выглядит еще более элегантной и холодной, но теперь я замечаю крупный шрам, тянущийся через шею к челюсти: три тонкие полоски, которые ее высокий воротник не может скрыть. Я узнаю их где угодно. Отметины острых зубов. Когда-то давно ее пытались убить Бессердечные. В воздухе повисает напряжение, пауза затягивается.

– Что... – я сглатываю, – что случилось с ними? С вашей семьей?

– Их убили, – сухо отвечает она. – Видишь тот замок вдальке?

Я, прищурившись, всматриваюсь туда, куда она указывает, – на горизонте виднеется тусклая тень, которую раньше я ни за что не смогла бы заметить из-за своего полуторамильного ограничения. Она роется в шелковой сумочке, стоящей у нее на коленях, и наконец протягивает мне латунную трубку. Я недоуменно смотрю на предмет.

– Вы хотите, чтобы я ее проглотила, или?..

– Попробуй еще раз. – Она отодвигает трубку в сторону, не давая мне взять ее. – На этот раз повежливей. Я понимаю, что у вас в лесах так не принято, но в Ветрисе мы уважаем старших.

– Ну ладно. Дадим пафосу шанс. – Я набираю в грудь воздуха и принимаю самый спесивый вид, на какой только способна. – Скажите на милость, что это за вещь, леди И’шеннрия?

– Я просила не глумиться над знатью, а попытаться изобразить ее. – Ее глаза превращаются в узкие щелочки. Но не от злости. Гнев может испортить лицо, и леди его не демонстрирует.

– Прошу прощения, но разве это не одно и то же? – с улыбкой спрашиваю я.

Леди И’шеннрия не церемонится со мной, расправляя плечи.

– Тебе нужно твое сердце или нет?

Мы смотрим друг на друга не моргая. Если бы сила воли была животным, а именно тигром, сейчас в воздухе между нами слышалось бы смутное рычание. Я не привыкла отступать, но И’шеннрия загнала меня в угол, обезоружив правдой. Я признаю поражение, подняв руки.

– Ну хорошо, вы выиграли. Мне нужно мое сердце.

– Попроси у меня трубку вежливо, как это сделала бы знатная дама. Ну или так вежливо, как только сможет выжать из себя твой непокорный разум.

Я вздыхаю и говорю мягким голосом:

– Не могли бы вы дать мне рассмотреть этот предмет, леди И’шеннрия, пожалуйста? Он меня крайне заинтересовал.

Она смотрит на меня ореховыми глазами, напоминающими зелено-золотые срезы агата. И в конце концов смягчается.

– Возможно, в тебе все же есть зачатки потенциала. Но не более того. С этого момента единственной броней, которая надежно защитит тебя при дворе Ветриса, будут старание и упорный труд. Помни об этом. – Она протягивает мне трубку, и, хотя внешне леди кажется спокойной и собранной, руки у нее дрожат. Внезапно до меня доходит, почему она старается держать юбки подальше от моих ботинок. Вовсе не потому, что боится подцепить от меня заразу. Она боится прикасаться ко мне. Мой желудок сжимается. Разочарование. Стыд. Сотни чувств терзают меня изнутри, и голод хохочет надо мной.

Конечно, она боится. Ты же монстр. Твои руки в крови.

Я беру трубку, стараясь не касаться ее пальцев.

– Приложи ее к одному глазу, – инструктирует леди, – наведи на то, что хотела бы рассмотреть, а другой глаз закрой.

С одеревеневшими пальцами и застывшим лицом я делаю то, что она велит.

Что за чудесный человеческий механизм – внезапно я отчетливо различаю вдали замок. Он больше похож на черную полуразрушенную массу из каменных парапетов и железных ворот. Но сам размер впечатляет. Воздух над руинами черен от ворон, рваное знамя треплет ветер, герб и цвет выцвели от времени, и их уже не различить.

– Тридцать лет назад он был моим домом, – говорит леди И’шеннрия. – Рейвеншаунт. Моя семья жила там поколениями. Пока Пасмурная война не отняла у нас даже это.

Ее взгляд отрешен, а голос пугающе бесстрастен.

– Ты должна знать историю семьи И’шеннрия, если хочешь попасть ко двору. Наша семья веками поклонялась Старому Богу, но для ведьм это ничего не значило. Мы были людьми. Врагами.

Я с трудом сглатываю, онемевшая. Но леди не подает виду, что взволнована. Ее голос остается ровным и бесстрастным, словно меньшее предало бы память ее семьи.

– В ту ночь я поняла, что можно убежать от ведьмы. Но не от ее Бессердечных. Они не останавливаются. Не знают отдыха. Их ведет голод, который ничем не утолить.

Я стараюсь не вздрагивать.

– Почему же вы все еще верите в Старого Бога, если ведьмы уничтожили вашу семью?

– Почему продолжаешь пить, даже если однажды отравилась грязной водой? – огрызается она. – Потому что это необходимо для выживания.

– Но...

– Достаточно. – Ее слова падают, словно сосульки на исходе зимы. – Начнем твое обучение незамедлительно. – Она указывает на мои разведенные в стороны колени. – Леди всегда держит колени сомкнутыми. Иначе ты деформируешь юбки и будешь выглядеть чересчур огромной, это некрасиво. – Она выжидающе смотрит на меня. Я свожу колени вместе. – Уже что-то. Далее, в Ветрисе существуют три вида знатных родов – Первая кровь, Вторая кровь и Золотая кровь. Попробуй угадать, какой из них наиболее знатен?

– Золотая кровь. – Я знаю, как люди падки на драгоценные металлы. Наемники приходили в лес, рискуя жизнью, чтобы убить Ноктюру и получить награду за ее голову. Бандиты убили моих родителей из-за золота.

– Золотая кровь – нижняя ступень социальной лестницы, – поправляет она. – Это знатные господа, купившие титул и положение при дворе, – торговцы чаще всего. Вторая кровь обладает родословной, хоть и не может похвастаться богатством или властью. Первая кровь занимает самое высокое положение, в их руках власть, земли и богатство. Они часто занимают важные политические посты, такие, например, как министр королевского кабинета, и очень часто становятся королями и королевами. Д’Малвейны, правящие уже пять сотен лет, принадлежат к Первой крови.

– А что насчет И’шеннрия? – спрашиваю я.

– Первая кровь. – Она выпрямляет спину. – Но лишь номинально. Война разрушила Рейвеншаунт, наше родовое гнездо, а из-за приверженности к Старому Богу большинство семейств нас сторонится. За тридцать лет мне не поступило ни единого предложения помочь нам отстроиться заново.

– Поэтому теперь вы помогаете ведьмам, – говорю я. – Ради чего? Отомстить двору? Поджав губы, она окидывает меня взглядом с головы до ног.

– Ты так юна.

Я мгновенно оцетиниваюсь.

– И все-таки достаточно взрослая, чтобы ради вас обратить принца в Бессердечного.

И'шеннрия замолкает, а когда вновь открывает рот, ее голос холоден как сталь.

– Я согласилась обучать тебя, чтобы избежать очередной войны. – Ее рука касается шрама возле подбородка. – Этот мир повидал довольно страданий. Я повидала довольно страданий. И не пожелаю такой участи никому.

Воспоминание о трех сосудах с сердцами в камине Ноктюрны вспыхивает в моем сознании. *Больше никаких сосудов. Больше никаких сердец.*

– Это я хорошо понимаю. Не желать своей участи никому другому.

И'шеннрия наконец обращает свой пристальный взгляд на меня. Он настороженный и колючий, как розовый куст без единого цветка. Я внезапно остро осознаю свою сущность – тот факт, что кто-то вроде меня уничтожил ее семью и, вероятно, оставил ей тот шрам. Храбростью с ее стороны является уже то, что она согласилась оказаться в одной карете вместе с существом, убившим ее близких.

И'шеннрия вздыхает.

– Главное, что ты должна знать: мне необходимо послушание. Если не будешь делать то, что я говорю, все окажется напрасно.

– Мне не очень... *хорошо* дается послушание.

Мне наверняка привиделось, но, когда леди И'шеннрия отвечает, ее губы изгибаются в легкой сардонической улыбке:

– Нас таких двое. – Она достает из-под сиденья и протягивает мне стеклянный сосуд. Поразительно искусная работа – бледно-лиловое стекло с гравировкой в виде свернувшейся кольцами змеи и россыпи звезд. – Сосуд. Для сердца принца. Пусть побудет у тебя, пока не придет время.

Я вовсе не хотела его видеть, но вот он здесь, покоится в моих руках.

– Сколько у меня времени? – хрипло спрашиваю я.

– Его сердце нужно будет поместить в сосуд в течение часа, так сказали мне ведьмы.

– Нет, я имею в виду... – Я сглатываю. – Сколько у меня времени на то, чтобы заполучить его сердце?

– Весеннее Приветствие предполагает, что принц выберет невесту к Зеленалию – дню летнего равноденствия. А значит, у тебя примерно...

– Две недели, – бормочу я. И'шеннрия кивает.

– Затем, обручится он или нет, всех потенциальных невест отошлют домой. Для принца это Весеннее Приветствие последнее – три предыдущих он сорвал, и терпение короля на исходе. Поговаривают, что, если он и на этот раз не выберет невесту, король сам сделает это. – В ее взгляде сквозит усталость, а вокруг глаз внезапно проступают мелкие морщинки, выдающие возраст. – Очень может быть, что ты наш последний шанс.

– И уж точно не лучший, – добавляю я дрожащим от напряжения голосом. Четырнадцать дней. За это время мне нужно вернуть свое сердце.

– Надеюсь, ты понимаешь, как много поставлено на карту, – упорствует И'шеннрия. – Стоит тебе ошибиться, и война неизбежна. Если ты будешь поймана, не сомневаюсь, что люди найдут способ обвинить во всем ведьм и объявят войну.

– Думаю, мертвую меня война будет заботить меньше всего.

– Типичная Бессердечная, печешься только о себе, – насмешливо говорит она. – Если не справишься, каждый мужчина, женщина и ребенок в Каваносе будут вовлечены в...

– Понимаю, – обрываю я. – Я осознаю, что люди умрут, ясно? И знаю, как это важно. Но если бы я не пошутила по этому поводу минуту назад, меня бы стошнило.

Она ничего не отвечает, но молчание не затягивается. Все полдня езды от леса Ноктурны до Ветриса леди заставляет меня запоминать семьи Второй и Первой крови (Химентелл, д'Малвейн, И'шеннрия, д'Голиев, Стилран, Прайзлесс), учит приветствовать их как равных (легким поклоном, но не слишком глубоко, держа за спиной лишь одну руку, а не обе). И подсказывает общие фразы, полезные, когда не знаешь, что сказать, – безвредные и вежливые. Леди интересуется устройством моего пищеварения, но ни одно из моих пояснений ее не воодушевляет: алкоголь и вода усваиваются легко, а вот все остальное выйдет наружу. Когда Бессердечные съедают что-то помимо сырого мяса, пища мгновенно и весьма болезненно переваривается с помощью магии, а затем наши тела выводят лишнее единственным возможным для себя способом – с помощью кровавых слез. В первый раз это случилось со мной почти сразу после обращения; от оленьей плоти меня тошнило, и я попыталась съесть одну из пшеничных лепешек Ноктурны. Агония была жуткой, но слезы – я коснулась их пальцами и обнаружила кровавые следы – еще хуже.

И'шеннрия заверяет, что большинство приемов «пищи» будут для вида, но на королевском пиру для избранных придется есть публично (и незаметно посещать уборную, когда терпеть станет невозможно). По словам И'шеннрии, пиры – это способ поддерживать лояльность знати. Корми их, и у них не будет ни времени, чтобы организовать восстание, ни желания что-либо делать, пока животы полны сливок и меда. В этом есть извращенный смысл. Даже выбор одежды, по словам леди И'шеннрии, имеет скрытые причины – безвкусный пояс или глубокий вырез, например, помогают отвлечь внимание от лица. Чем больше люди сосредоточены на твоём наряде, тем меньше внимания обращают на твои слова или действия. Чем сильнее впечатление от наряда, тем меньше вопросов тебе задают. Она подмечает, что я при знакомстве не поинтересовалась, действительно ли она леди И'шеннрия, – поскольку бессознательно определила это по ее облику. И она права. До этого момента я и не подозревала, какой властью обладает одежда, и это пугает.

Ветрис разительно отличается от моей простой лесной жизни. Я ела, разговаривала, практиковалась во владении мечом. В Ветрисе мне предстоит все то же самое, но в шелках и с десятками вариаций каждого действия в зависимости от окружения и рангов. Я впитываю всю информацию, какую только возможно, повторяя каждое слово И'шеннрии.

Невозможно. Невозможно выучить все это за четыре дня до Весеннего Приветствия. Но я это сделаю, и сделаю идеально.

Потому что в противном случае свобода ускользнет от меня, как песок сквозь пальцы.

Я так сосредоточена на новых знаниях, что не замечаю восхода до тех пор, пока солнечный луч не проникает в окно кареты, скользя по моему лицу. Я моргаю, привыкая к арбузно-зеленому и нежно-розовому цветам неба. Золотой диск солнца восходит над горизонтом во всей своей сияющей красе.

– ...что до принца, наша цель ясна. Девушки на Весеннем Приветствии называются Весенними Невестами, и они... – речь И'шеннрии прерывается. – Ты меня слушаешь?

– П-простите. – Я отвожу глаза. – Просто... я не видела рассвет со дня обращения. – Солнце поднимается на юге, а это направление всегда скрывали густые кроны деревьев леса Ноктурны. На удивление, И'шеннрия не требует, чтобы я сосредоточилась.

– Давно это было? – спрашивает она.

– Три года назад. – Солнце вновь завораживающе пробивается сквозь облака, и мой голос садится. – Как я могла забыть, насколько это прекрасно?

Воцаряется тишина. Наконец она спрашивает:

– Сколько тебе исполнилось бы в этом году, будь ты все еще человеком?

– Девятнадцать.

– Значит, тебе было шестнадцать, когда это случилось?

Восхищение от рассвета скрывается за набежавшими тучами воспоминаний. Уставившись в пол кареты, я вцепляюсь пальцами в ткань сиденья. Я никому не рассказывала, как все произошло. Эту мрачную тайну знали лишь я и Ноктюрна. Но И'шеннрия поведала мне свою болезненную историю. Самое малое, что я могу сделать, – быть честной в ответ.

– Там были бандиты, – медленно говорю я. – Мама и папа были торговцами. Бедными, но довольными жизнью. Мы все время путешествовали – через Каванос, Авел, даже пустынные горы Гелкириса. Или, по крайней мере, мне так кажется. Когда становишься Бессердечным, человеческие воспоминания покидают тебя...

– Они живут в твоём сердце, – заканчивает она. Я не спрашиваю, откуда она знает. Просто бреду сквозь холодные и горькие воды прошлого.

– На дороге был один мальчик. Он плакал от боли, просил о помощи. Отец попытался его объехать. Он почуял неладное, но я заставила его остановиться. Бандиты прятались неподалеку в лесу.

Я молчу о том, как бандиты изрешетили отца стрелами, о кусочках его мозга на стальных наконечниках, о том, как они вскрыли меня от пупка до горла и бросили умирать и смотреть, как они делают то же самое с мамой.

Голод терзает мои внутренности, воспоминания для него точно угощение. **Твоя вина, – шепчет он. – Родителей убили из-за твоей слабости.** Я не поддаюсь ему.

– Ноктюрна нашла меня и обратила. И в дополнение, по доброте душевной, отдала мне бандитов.

Я молчу об ослепляющей ярости, темной захлестывающей волне гнева, боли и голода, поглотившей меня и заставившей разорвать грабителей в клочья. Молчу о монстре, рвущемся из меня наружу, убивающем все на своем пути, смакующем кровь и смерть.

– Знаете, что она мне сказала, – продолжаю я, – когда я спросила, почему она отдала мне бандитов? Она сказала: «Я подумала, что все люди этого хотят. Возмездия».

Я прячу ладони между коленей, но тут же их вынимаю. Леди так не сидят. Свожу колени вместе, высоко поднимаю голову и расправляю плечи, пытаюсь подражать совершенной позе И'шеннрии. Она буравит меня своими ореховыми глазами, и я отвечаю взглядом, исполненным давнего горького раскаяния. Пытаюсь улыбнуться, понимая, что выгляжу жутко. Но улыбка получается безжизненной.

– И она была права.

Глава 3

Вода для ведьмы

Мы даем лошадям отдых за два часа до Ветриса. По лугам стелется туман, делая все вокруг серым и унылым, но мне все равно. Пейзаж для меня по-прежнему новый. Мои глаза жадно следят за каждой серой травинкой, каждым порывом ветра в зарослях тростника, прозрачными силуэтами кроликов и ястребов, кружащих друг с другом в смертельном танце. Ишённрия и я наконец можем размять ноги, и она приказывает Фишеру достать с крыши кареты сундук. Она некоторое время роется в нем, прежде чем вручить мне элегантное платье из зеленого шелка, отделанное серебряными нитями. Оно потрясающее – в лесу о таком я могла лишь мечтать.

– Сиськи Старого Бога! – Я хватаю гладкий шелк и трюсь о него щекой. – Это правда мне, тетушка?

– Леди не сквернословят, – фыркает Ишённрия. – И не называй меня «тетушкой».

– Но ведь так и есть, разве нет? Вы моя тетушка. Тетушка, тетушка, тетушка. – Я прикладываю платье к груди и смотрю, как колышется внизу юбка. – Так забавно звучит.

Она вздрагивает после каждого повтора.

– Достаточно. Переоденься до того, как мы въедем в город. Твои лохмотья никого не убедят.

– Эй! – Я оглядываю свое порванное выцветшее голубое платье, кружевной лиф с застарелыми пятнами крови и грязи и только сегодня разорванную кинжалом ассасина спину.

– Эти лохмотья отлично мне послужили. И до того, как я стянула их из чьего-то каретного сундука, отлично служили какой-то знатной даме. Это платье достойно надлежащих похорон.

Ишённрия приподнимает темную бровь.

– Ты украла его у знатной дамы?

– «Украла» слишком неприятное слово. – Я шмыгаю носом. – Я предпочитаю «одолжила на продолжительное время».

– Ведьмы мне об этом не рассказывали.

– Ведьмы сейчас немного расстроены, – поясняю я. – Возможно, вы просто не заметили. А расстроенные люди небрежно относятся к деталям.

Она заметно нервничает, каменная маска впервые дает трещину.

– Кто-то из знатных господ видел твое лицо?

Я вздыхаю.

– Понимаю, иногда трудно поверить, что я что-то делаю хорошо...

– Видели или нет? – Грозно рывкает она. Фишер перестает гладить лошадей. Я шумно выдыхаю.

– Нет. Конечно, я скрывала лицо. Я отлично умею становиться незаметной. Это приходит с опытом, когда за тобой охотится почти каждый человек в стране.

Трещина в маске И'шеннрии медленно затягивается.

– Остается поверить тебе на слово. Но я ненавижу опираться лишь на чьи-то слова. Ты расскажешь мне абсолютно все свои секреты, способные помешать нашей цели.

– Я рассказала вам все.

Между нами повисает напряженная тишина, ее глаза ищут трещины и в моей маске тоже, словно она пытается решить, можно ли мне доверять. У леди нет выбора – она должна доверять мне, а я ей. В конце концов И'шеннрия отворачивается и залезает обратно в карету.

Когда она уходит, я чувствую, как тяжесть в груди, сопровождающая меня с тех самых пор, как я покинула лес, понемногу исчезает. Я прижимаю платье к себе и кружусь, глядя на развевающиеся юбки. Оно в тысячу раз красивее, чем все, что я носила прежде. Раньше мне не нравились платья – я помню это по человеческой жизни, – но обращение в Бессердечного в корне меняет приоритеты. От ежедневного ношения штанов я перешла к воровству красивых платьев – чем прекрасней была одежда, тем меньше я чувствовала себя жутким монстром, лишенным всего человеческого. Добротная юбка стала для меня дороже доспехов.

Я быстро переодеваюсь невдалеке за густыми кустами, не выпуская из рук старое платье. Но как только возвращаюсь к карете, И'шеннрия тут же выхватывает его у меня.

– Мы это выбросим.

– Но это было мое любимое...

– Твоя жизнь Бессердечной закончилась, – заявляет она. – С этого момента ты моя племянница. Ты И'шеннрия. А И'шеннрию не могут увидеть в отвратительном наряде.

Саркастические слова застревают в горле, и я сплываю. Она права. Неважно, кем я была. Единственное, что сейчас важно, это то, кем я должна стать. И'шеннрия прячет изорванное платье на дно сундука.

– Ну-ка, дай посмотреть. – Она медленно задумчиво обходит меня по кругу. – Оно прекрасно на тебе сидит, даже несмотря на ужасную осанку. Может, ты и неотесанна, но у тебя роскошное тело, и это поможет тебе завоевать внимание принца.

– Я еще и соблазнить его должна? – щебечу я. – А я-то думала, тетя не должна позволять племяннице развлекаться.

Лицо И'шеннрии невозмутимо.

– Мы сделаем что угодно, чтобы заполучить сердце принца, – ты сделаешь *что угодно*. Тебе понятно?

Я проглатываю ее слова, как свинец. Мой арсенал ограничен невинным флиртом. Прошло три года с тех пор, как я *видела* парня своего возраста последний раз. Был один наемник, заявившийся в лес, чтобы убить Ноктюрну, всего на год старше меня, но я отрезала ему левый мизинец раньше, чем дело дошло до «флирта». В лесу не посещают мысли о том, что тело – нечто большее, чем предмет, который нужно мыть и кормить, но Ветрис требует, чтобы я думала о мужчинах, женщинах, о ком-то, кто желал бы меня. Но страсть – это странная, чуждая игра для смертельно опасного монстра.

Пятеро мужчин, их измученные крики были словно мед для твоих ушей, пока ты вырывала им языки...

Я глубоко дышу.

– Я сделаю что угодно. Даю слово.

– Слово Бессердечной ничего не значит, – говорит И’шеннрия. – Мне остается лишь надеяться, что ты его сдержишь.

Меня опять гложет досада, но сказать в свое оправдание нечего. И’шеннрия смеряет меня взглядом с головы до ног, роется в сундуке, а затем протягивает мне гребень из слоновой кости и кожаный шнурок.

– Сделай что-нибудь с беспорядком на голове. Нам придется все это состричь, когда доберемся до дома.

– Вам не нравится моя прическа? А я-то надеялась, что посеченные кончики волос окажутся в Ветрисе на пике моды.

– Дело не в кончиках, а в длине. Длинные волосы при дворе Ветриса являются символом статуса, и так было всегда, – утверждает она. – Мужчины, женщины, неважно, – чем длиннее волосы, тем могущественнее твоя семья. Только члены королевской фамилии носят такую длину, как у тебя. Семьи Первой Крови укорачивают волосы в знак уважения.

– Значит, лишь они одни могут выглядеть сногшибательно? Немного эгоистично, не находите? – С ворчанием я все же собираю свои золотистые волосы в конский хвост. И’шеннрия выглядит относительно довольной.

– Что насчет этой ржавой рухляди? – Она указывает на меч, лежащий у меня на коленях. – Стражи порядка будут на каждом шагу – вряд ли тебе придется давать кому-то отпор. Физически, по крайней мере. Что касается высшего света, тут другая история.

Я стискиваю рукоять.

– Меч останется со мной.

– Леди с мечом выглядит неплохо, – соглашается она. – Но с таким безобразным, как этот? Нет. Немыслимо. Выброси его, я куплю тебе новый в Ветрисе.

– Я сказала нет.

– Ты избавишься от этой уродливой вещи, или я буду...

– Я готова на что угодно. Носить любое платье, соблазнять любого принца. Но меч остается.

– Хотя бы объясни, почему ты так настаиваешь на этом.

Я плотнее прижимаю к себе лезвие.

– Этот меч принадлежал моему отцу.

Она молчит, а потом наконец вздыхает.

– Прекрасно. Оставь себе эту ржавую железку. Если это спугнет принца, сама будешь извиняться перед ведьмами в загробной жизни.

– Если обычный меч может отпугнуть его, – парирую я, – трудно представить его восторг от моего характера.

Фишер подводит лошадей, чтобы снова запрячь их в экипаж. Они здоровые, откормленные. От запаха их теплой плоти мой рот наполняется слюной, но я отмахиваюсь от этого чувства. Нет. В Ветрисе будет тысяча лошадей – и я не могу смотреть на каждую как на фуршет. Словно прочитав мои мысли, И’шеннрия протягивает мне бумажный сверток.

– Ешь побыстрее, – приказывает она. – Мы скоро отъезжаем, и я не хочу, чтобы ты разводила грязь в карете.

Внутри свертка я нахожу сердце вепря.

Похоже на его сердце, не так ли? – шипит голод. – Того мужчины, которого ты распотрошила.

Залившись румянцем и отчаянно желая, чтобы он прошел, я поднимаю глаза на И’шеннрию и спрашиваю:

– Как же я буду есть в Ветрисе?

– Я буду снабжать тебя пищей, – отвечает она. – Незаметно, конечно. Ведьмы сказали, что сердце и печень насыщают тебя быстрее всего. Но они не сказали, как... – она сглатывает и судорожно вздыхает, снова заметно нервничая, но тут же берет себя в руки, – как часто тебе нужно есть?

– Каждый час, – протяжно завываю я, – по тысяче младенческих сердец.

На ее лицо набегают тень, и я тут же вспоминаю, что из-за нас она потеряла свою семью. Слишком больно. Слишком реально.

– Простите. Иногда я шучу не подумав, и выходит ужасно. – Я быстро прочищаю горло. – Мы едим дважды в день. Утром и вечером. Скотину или дичь.

– Не так уж сильно вы от нас отличаетесь, – шепчет она. – Очень хорошо. Я все устрою. Найду того, кому можно доверить доставку еды в твою комнату, где можно будет поесть, – она подавляет дрожь, – в уединении.

Наконец все вопросы утрясены, и она возвращается в карету. Есть рядом с Ишеннрией слишком жестоко, особенно после моей идиотской болтовни, поэтому я ухожу с дороги и сажусь в высокой траве, укрывшись от чужих глаз. Закончив, споласкиваю пальцы в луже и возвращаюсь в карету. Ишеннрия старается не смотреть на меня, предпочитая читать книгу, а Фишер тем временем пускает лошадей рысью. Я же провожу свободное время конструктивно: прокручиваю в голове каждый момент, когда вела себя отвратительно по отношению к кому-либо. Наконец мы въезжаем на холм, и Фишер кричит:

– Город виден, мэ!м!

Город! *Город!* Ишеннрия не двигается, но я жадно высовываю голову в окно. Вот он, Ветрис, во всем его великолепии – нимб белокаменных шпилей в окружении изумрудных полей. Море травы, колышущейся на ветру, с такой высоты кажется мятым бархатом, покачивающимся в такт с нефритово-зелеными знаменами, увенчивающими устрашающую стену на границе города. Она куда больше, чем я предполагала. Внутри теснятся каменные здания и латунные машины, выдувающие впечатляющие клубы дыма и пара. И над всем этим – гигантское здание королевского дворца, о котором рассказывала Ишеннрия, башня на башне, белеющие в лучах полуденного солнца, и близлежащие земли, изрезанные затейливой сетью сапфировых водных каналов.

– Немедленно вернись на место, – рявкает Ишеннрия, – пока тебя никто не увидел.

Я подчиняюсь.

– Объясните, пожалуйста, почему это леди не подобает пользоваться глазами.

– Мы здесь не ради праздного любопытства. У нас есть работа. Работа, которую мы больше не будем обсуждать, пока не останемся наедине. При дворе повсюду глаза и уши. Осторожность – главное условие нашего успеха. Если ты не уверена, стоит ли что-то говорить...

– Не говори ничего. Лучше молчать, чем рисковать, – заканчиваю я за нее. – Да, я помню.

Я держу руки сложенными на груди до тех пор, пока Ишеннрия не приподнимает бровь. Точно. Леди так не делают. Я опускаю руки и вытягиваю шею в надежде найти ракурс, который позволит мне вновь увидеть город. В конце концов он появляется в поле зрения. Есть и другое здание, почти такое же огромное, как дворец, с железными шпилями по краям. Самый высокий из них венчает знакомый символ – Глаз Кавара. Три линии, сходящиеся треугольником внутри овала, формируют нечто вроде зрачка. Странно видеть его таким огромным – я привыкла к меньшим версиям, кулонам на шее у наемников или охотников. Без сомнения, это храм Кавара, Нового Бога. Прямо рядом с ним находится Багровая Леди, о которой предупреждали ведьмы, – башня из красного камня, хотя и не такого яркого, как я предполагала. Скорее это ржавый, скучный оттенок. По высоте она едва уступает самому высокому шпилю храма. Верхушка плоская, и ничто в башне не кажется необычным, за исключением цвета. Если излучение, определяющее магию, и существует, оно абсолютно незаметно.

Я возношу молитву, чтобы Леди меня пропустила.

На дороге становится все более шумно, а потом мы оказываемся в центре громкой толпы из людей и келеонов: повозки торговцев, покрытые пылью путешественники, фермеры, везущие в город мясо и овощи, и стражи порядка. *Стражи*. Кольчужные доспехи и нагрудные значки в виде мечей кажутся смутно знакомыми, несмотря на то что я не могу вспомнить их в своей человеческой жизни.

– Сядь прямо, – говорит И’шеннрия. – Мы на месте.

На нас надвигается внушительная тень от главных ворот. Фишер останавливает карету, его разговор с кем-то едва различим в стоящем шуме. У меня болят уши – я давно не слышала так много людей одновременно, такой жуткой какофонии звуков. Внезапное появление в окне кареты увенчанного перьями шлема стража-келеона заставляет меня отпрянуть назад. Его лилово-красная кошачья морда в одних местах покрыта шерстью, в других же – совершенно гладкая, с радужным отливом. А закрученные вибриссы намного короче, чем были у наемника.

– Доброе утро, офицер, – с улыбкой говорит леди И’шеннрия. За всю дорогу сюда она не улыбнулась ни разу, но теперь скалится вовсю.

– Миледи, – стражник кланяется. – А это кто будет?

Его золотистые глаза останавливаются на мне. Это тренировка – если я не смогу выдерживать взгляд стража с благородством знати, то как смотреть в глаза придворным? Я заставляю себя ответить прямым взглядом, утаивая ложь за сладкой улыбкой.

– Это моя племянница. – И’шеннрия поворачивается ко мне, и ее улыбка меня нервирует. – Незаконнорожденная дочь моего брата, и тем не менее одна из рода И’шеннрия. Министр крови отыскал ее совсем недавно – я вне себя от радости.

Страж печально улыбается в ответ, обнажая острые зубы.

– С вашего позволения, миледи, замечу, что очень рад за вас. Кавар знает, вы заслуживаете немного счастья в жизни.

– Спасибо на добром слове.

Страж хлопает по карете когтистой лапой, и Фишер принимает это за сигнал припустить лошадей. Я поднимаю глаза на Багровую Леди, теперь мне отчетливо видно стражей в окошках на самом верху. И’шеннрия хмурится.

– Не волнуйся. Если бы она что-то почувствовала, нас бы уже арестовывали.

– Как? Как те стражники наверху передают сообщения стоящим внизу с такой скоростью?

И’шеннрия указывает в сторону ворот, где две или три странные медные трубы, высотой едва достающие мне до пояса, торчат из каменной мостовой.

– Водяная почта.

Сквозь разноголосицу слышно хлопок, и я подпрыгиваю – одна из медных трубок бешено исторгает воду, после чего вновь воцаряется тишина. Ближайший страж бьет кулаком по трубке, и у той открывается крышка. Он засовывает руку внутрь и вынимает другую медную трубочку, поменьше. В ней находится идеально сухой кусочек пергамента. Прочитав содержимое записки, он обводит взглядом толпу и указывает на женщину с возом баклажанов. Ее тут же обступают другие стражники.

– Не пьался, – шепчет И’шеннрия. Собственно, у меня и нет такой возможности – Фишер направляет карету вперед, так что женщина и стражники теряются в толпе, исчезая из виду.

Некоторое время я продолжаю наблюдать за жизнью города. Это так грандиозно, что у меня дух захватывает. Что, впрочем, к лучшему: все здесь пропахло конским навозом, жареным мясом и – крайне по-человечески – раскаленным металлом. Легкий ветерок, уносящий большую часть дыма и испарений от машин и домов, приносит облегчение, но странный едкий запах продолжает висеть в воздухе. Я разглядываю водяную почту – медные трубки, кажется, на каждом шагу. И все же вряд ли запах исходит из них, если, конечно, вода не протухла.

– Белая ртуть, – отвечает на мой невысказанный вопрос И’шеннрия, пока я морщусь нос. – Такой запах появляется, когда ее преобразуют в энергию. Большинство машин в Вет-

рисе питают Багровую Леди. Другая половина отвечает за насосы для канализации и почтовой системы.

Из сказанного я понимаю лишь половину, но по сторонам смотрю во все глаза. Мы проезжаем палатки, в которых продаются радужные шелка и украшения, и я оглядываюсь, заметив келеона, ведущего по улицам нечто вроде гигантского насекомого. Плотное хитиновое желтое тело поблескивает на солнце, шесть сильных ног покрыты волосками. Два длинных усика-антенны подергиваются туда-сюда, четыре черных выпученных глаза украшены сеткой шестиугольников.

– Миртас, – снова отвечает И'шеннрия прежде, чем я успеваю спросить. – Животное, обитающее на родине келеонов. Келеоны используют их для верховой езды, поскольку лошадей недолюбливают. Раньше они не были настолько огромными, но Волна, давшая келеонам разум, изменила также и размеры миртасов.

– Они потрясающие, – изумляюсь я. – Никогда не видела ничего подобного.

Леди указывает на нескольких человек в простых коричневых полотняных робах, выделяющихся лишь тяжелыми поясами, увешанными всевозможными сложными инструментами, которых мне никогда прежде не доводилось видеть.

– Энциклопедисты. Полагаю, о них ты слышана.

– Ученые, врачеватели ума и тела, философы и исследователи. Самые умные люди во всем Каваносе.

– Самые умные, – соглашается она. – И самые опасные.

– Написание книг и свитков нынче считается опасным?

– Кто, по-твоему, создал Багровую Леди? – спрашивает она. – А также водяную почту и насосы, с помощью которых она работает? Кто, как ты думаешь, на самом деле выиграл войну людей против десятков тысяч всемогущих ведьм и орд Бессердечных?

Я смотрю вслед проходящим мимо фигурам, и во мне вновь просыпается настороженность. Она задала хороший и слишком жуткий вопрос.

Когда мы въезжаем в более тихий торговый квартал, я все чаще и чаще замечаю железо над входом. Каждый дом, магазинчик и ларек с выпечкой отмечен свисающим откуда-нибудь Глазом Кавара. Люди в Ветрисе явно очень набожны. Или очень запуганы. Возможно, все вместе, учитывая, что одно следует из другого.

Карета внезапно останавливается, и И'шеннрия оглядывается по сторонам.

– Почему мы остановились? – спрашивает она. – До портного еще далеко.

– Проезд перекрыт, миледи. Впереди «ордалия», – отзывается Фишер. И'шеннрия мрачно смотрит на меня.

– Что ж. Полагаю, сейчас вполне подходящее время, чтобы своими глазами увидеть, что происходит в городе. Вылезай.

– С радостью. – На негнущихся ногах я выхожу прямо в шумную толпу. Она заполняет улицу, блокируя лошадей. Что-то высокое и металлическое, слишком серебристое, чтобы быть гигантской водяной почтой, мелькает над головами. Фишер спрыгивает с кучерского места, и И'шеннрия приказывает ему приглядывать за каретой. А затем уводит меня прочь, сначала через один темный проулок, затем через другой. В конце концов она заталкивает меня в бар с низкими деревянными столами и витражными окнами.

– Леди И'шеннрия! – Женщина за стойкой низко кланяется. – Какая честь.

– Мы здесь из-за ордалии, – обрывает И'шеннрия. – Не надо напитков.

– Как скажете, миледи.

И'шеннрия тянет меня к лестнице в конце зала. Поднявшись на верхний этаж с аккуратно расставленными столами, она направляется к балкону. Несколько господ (судя по одежде, которая по шику почти не уступает нарядам И'шеннрии) уже стоят у перил, наблюдая за толпой, в

центре которой зловеще возвышается странная штукавина, напоминающая гигантский металлический саркофаг.

– Барон д’Голиев! – с улыбкой обращается И’шеннрия к тучному мужчине. – Как приятно вас видеть.

Барон отворачивается от ограждения, широко ухмыляясь.

– О, леди И’шеннрия! Какая радость. Так получилось, что я был в Мясницком переулке, когда услышал, что началась ордалия. Неприятное зрелище, но уж лучше избавиться от угрозы сейчас, чем потом сожалеть, что не сделали этого, согласны?

– Абсолютно, – с натянутой улыбкой отвечает И’шеннрия, а затем показывает на меня. – Барон, это моя племянница, Зера. Через несколько дней на Приветствии она будет Невестой.

– Ах! – Красное лицо барона расплывается в ухмылке. – Наконец нашли ее? Добро пожаловать, миледи. Рад видеть вас с нами.

– Благодарю, барон д’Голиев. Это честь для меня, – цитирую я дежурную фразу, подсказанную И’шеннрией, и склоняюсь в поклоне. Видимо, переусердствовав, потому что она покашливает и толкает меня в ногу носком ботинка. Когда я выпрямляюсь, барон смотрит на меня с прищуром.

– Как здорово видеть у вас меч. Сегодня редко увидишь даму с оружием. Вы фехтуете?

– Когда это представляется возможным, – поясняю я. Он кивает и поворачивается к И’шеннрии.

– Она довольно милая, не правда ли? Хотя волосы немного длинноваты.

– Мы подрежем их перед Приветствием, будьте уверены, – отвечает она. Меня так и разбирает напомнить им, что я вообще-то стою рядом. И’шеннрия еще несколько часов назад предупреждала меня, чтобы я была готова к подобному, и все равно это жутко раздражает.

– Конечно, конечно. Скажите начистоту, миледи, – думаете, принц клюнет на нее? – Он говорит с И’шеннрией, словно я наживка для рыбы. Не могу больше выносить этого ни секунды.

– Если мы его выловим, – отвечаю я, – очень надеюсь, что кто-нибудь почистит его для нас перед жаркой.

Барон непонимающе моргает, а лицо И’шеннрии сковывает лед, прежде чем она расплывается в сладкой улыбке.

– Прошу прощения, барон. Она слегка неотесанна.

– Вот что бывает, когда растешь на ферме, – с нервным смешком отвечает барон.

– Впрочем, будет чудесно, не правда ли? Если такая простушка привлечет его разборчивое внимание? – продолжает И’шеннрия.

– Несомненно. Только представьте – род И’шеннрия со стороны королевской невесты! Вы заставите всех членов семьи Стилран биться в истерике! Они ведь тоже представляют свою Весеннюю Невесту в этом сезоне, вы знаете.

– Слышала кое-что. Леди Стилран не умолкала многие месяцы.

– Ну, это наш последний шанс сохранить кровь д’Малвейнов в Каваносе, так что я буду болеть за вас обоих. Не дай Кавар, принц Люсьен женится на какой-то несчастной, запертой в авелишской башне.

Они хохочут в унисон. Я не поняла шутку, но, может, это и к лучшему, потому что звучит ужасно. Остальные господа, по-видимому, не достойны разговора – а может, они просто принадлежат к семьям, отвернувшимся от рода И’шеннрия из-за поклонения Старому Богу. Судя по их ехидным взглядам, скорее последнее. Я фокусируюсь на толпе. Несколько человек становятся возле странного металлического саркофага – один мужчина с длинными седыми волосами облачен во впечатляющую белую мантию. Мне не помешала бы маленькая медная подозрительная трубка, но И’шеннрия так увлечена беседой с бароном, что я не отваживаюсь вмешиваться.

– Народ Ветриса! – громогласно заявляет седой мужчина, чем приводит меня в изумление. Он держит возле рта медную палку, которая каким-то образом усиливает его голос – очередное странное, но полезное человеческое изобретение.

– Сегодня да свершится ордалия – избавление от скрытого зла, врага Кавара и угрозы безопасности нашей великой державе!

Толпа ревет. Один из господ рядом со мной размахивает платком, точно флагом. И’шеннрия наклоняется ко мне и шепчет:

– Тот мужчина в белом – Министр Клинка, эрцгерцог Гавик Химинтелл. Глава стражи Каваноса и всей армии Ветриса.

– Похоже, в руках этого человека много власти, – замечаю я. И’шеннрия кивает.

– По мнению некоторых, слишком много. Они с королем сильно сблизились за последние шесть лет, король прислушивается к нему во всем. Он умен и опасен. Держись от него как можно дальше.

Я наблюдаю за эрцгерцогом издали, но его голос по-прежнему оглушает.

– По милости короля, под руководством Верховного Жреца и благодаря работе Багровой Леди мы обнаружили в наших рядах ведьминского шпиона, замыслившего убивать и калечить ваших детей, мужей и жен!

Толпа отвечает разъяренным ревом. Мужчина высоко поднимает блеклый меч и обводит им толпу.

– Они вырежут ваши сердца из груди!

Люди режут.

Голод согласно шепчет в ответ: С радостью.

– Они проклянут вас, с помощью магии обратят вашу кровь в пепел, а посеы в камень! Очередные одобрительные возгласы.

– Они осквернят святость нашего великого и достойного города ересью, и за это им положена смерть!

Эрцгерцог Гавик подает кому-то знак. Двое стражников выводят вперед юношу, моего ровесника. Он кажется голодным и испуганным. Рот его заткнут кляпом, запястья связаны. При появлении мальчика толпа приходит в неистовство. Люди скандируют «утопить ведьму», некоторые кидаются гнилыми фруктами. Я судорожно сжимаю перила, к горлу подступает тошнота. Так вот для чего этот саркофаг. Вот зачем он наполняется водой из длинной трубы сбоку. С каждым новым дюймом прибывающей воды седовласый мужчина взвинчивает толпу все сильнее. Больше фруктов, камней, палок. Гнилой персик попадает мальчику в ногу, и тот вздрагивает. Я смотрю на И’шеннрию, голова ее гордо поднята, а глаза не отрываясь следят за происходящим.

– И’шеннрия...

– Нет, – просто отвечает она, так тихо, чтобы не услышал стоящий рядом барон. Мое отсутствующее сердце сжимается. Я должна просто стоять здесь и наблюдать за чужой смертью? Не пытаться вмешаться? Для меня это все равно что убить его собственными руками – очередной труп в череде жертв моей жестокости.

Стражи приносят приставную лестницу и прилаживают ее к уже наполненному металлическому саркофагу. Открывают крышку, и седой эрцгерцог указывает на мальчика.

– Утопить ведьму, во имя Нового Бога, во имя мира!

Стражники подталкивают мальчика к лестнице, и тот безумно извивается в последней попытке освободиться. Келеон, человек – неважно. Каждый ликует. А если и не ликует, то спойно взирает на происходящее. Барон д’Голиев делает странный жест, дотрагиваясь сначала до века, а затем до сердца.

– Вода для ведьмы, – шепчет он, словно молитва сможет его защитить. – Огонь для их рабов.

Лицо И'шеннрии мрачно и невозмутимо. Никто не двигается. Даже не пытается. Я крепче сжимаю рукоять меча. Если я ничего не сделаю, он умрет, – но *что* я могу сделать? Я подвергну себя риску, меня бросят в темницу. Ноктюрна уничтожит мое сердце, вот и все. Я никогда не освобожусь.

В этот миг я осознаю с удивительной ясностью, насколько эгоистичным чудовищем являюсь на самом деле.

Я должна позволить ему умереть.

Не могу смотреть. Я зажмуриваюсь, чтобы не видеть, как мальчик делает последний шаг с лестницы. Воцаряется тишина, слышится лязг металла. Время еле тянется до тех пор, пока ликующие крики толпы не ставят точку в жизни мальчика.

Я забегаю обратно в бар, и меня рвет в ближайшую вазу.

Глава 4

Встреча воров

– Этот город прогнил, – шиплю я, вытирая рот платком, который протягивает мне И'шеннрия.

– Все боятся, – поправляет она. – А страх превращает мудрейших и добрейших людей в глупых и жестоких.

– Тогда эрцгерцог Гавик самый жестокий и тупой из всех, – рычу я. Леди оглядывается, словно опасаясь, что кто-то может услышать, но возражать не пытается. – Зачем он проводит эти ордалии? И как часто?

– Раньше их устраивали каждые несколько недель, теперь – раз в несколько дней, – отвечает И'шеннрия. – Мы знакомы с юности, он всегда отчаянно ненавидел ведьм и весь их род. Его отца убили во время Пасмурной войны, а мать медленно угасала, пока в конце концов не покончила с собой.

– Это не оправдывает того, что он топит живых людей!

– Я и не говорила об оправдании, – мягко возражает она. – Просто боль порождает ненависть, а ненависть толкает на ужасные поступки.

– В Ветрисе не осталось ведьм, – шепчу я. – Они сами мне говорили. Тогда кем был тот мальчик?

– Человеком, разумеется. Бродягой, любителем звездного семени или беженцем из Пендрона, бегущим от гражданской войны. Эрцгерцог не слишком разборчив в выборе козлов отпущения.

– Неужели король не может его остановить?

– Король обо всем знает и, без сомнения, одобряет это.

– Почему?

– Чтобы удержать Каванос, конечно же. Он не похож на своего отца – народ его не любит. Поэтому он держит подданных в страхе.

Во мне разгорается огонь ненависти. Старое, давно знакомое чувство – именно ненависть заставила меня уничтожить тех бандитов. Ненависть опасна. Этот город – лучшее тому подтверждение.

К счастью, И'шеннрия выводит меня из бара обратно к карете. Она объясняет, как правильно носить цвета весны – розовый, зеленый и оранжевый, никакого красного и желтого,

ленты и шифон обязательны, но я едва разбираю ее слова. Она все понимает и потому особенно настойчива, как будто уроки смогут отвлечь меня от только что увиденного. Меня все еще тошнит: и от города, и от того, с какой готовностью я пожертвовала этим мальчиком ради своей свободы.

Ишеннрия останавливает карету у ателье, и я оцепенело захожу внутрь. Даже не в силах восхищаться бесконечными рядами великолепных, отделанных рюшами платьев в витрине. Пожилой пучеглазый мужчина снимает мерки с каждой части моего тела, рассказывая, как чудесно мне подойдет бархат, и еще какую-то чушь. Ишеннрия напоминает мне поблагодарить его, а когда я не отзываюсь, отводит меня в сторонку.

– Ты должна оставить все, что случилось, в прошлом, если хочешь получить свое сердце, – шепчет она. – Ты леди, а леди всегда скрывает истинные чувства за непроницаемой маской вежливости.

– Они убили человека, – шиплю я, – у всех на глазах.

– И убьют еще, – шипит в ответ Ишеннрия, – если ты не опередишь их, впечатлив принца и весь двор этими платьями.

Я сглатываю и, едва она отходит, улыбаюсь портному.

– Простите, уважаемый. Вы и представить себе не можете, как быстро путешествие способно превратить человека в брюзгу.

Портной улыбается, кивает и возвращается к снятию мерок. Когда все закончено и Ишеннрия с портным переходят к выбору тканей для моего обширного гардероба, я выхожу из магазина и глубоко вдыхаю наполненный парами ртути воздух Ветриса. Крики, доносящиеся с площади, наконец-то отвлекают меня от мыслей.

– *Vor!* Стража, вор только что меня обчистил!

Я оборачиваюсь и вижу растерянного господина, глупо ощупывающего карманы золоченого жилета. Темная фигура, сжимающая в руках что-то золотое, стремительно удаляется прочь. Стражи в клацающих доспехах и с мечами наголо тут же кидаются за беглецом.

Может, я и не смогла остановить чистку, но поймать вора мне по силам.

Я подхватываю юбки и бросаюсь за ним прежде, чем Фишер успеет меня остановить. Вор ныряет в соседний переулок – как предсказуемо. Вот только когда я поворачиваю за угол, вора там нет. Я слышу крики стражников, лягз их доспехов разносится в разных направлениях. Если у вора имеется хоть капля ума, он будет держаться подальше от шума. Он выглядел рослым и крепким, так что перемахнуть через забор справа от меня наверняка не составило ему труда. Я с усилием подтягиваюсь и приземляюсь на другой стороне. Еще один переулок. Тупик.

– Не думаю, что золотые часы тебе понадобились для того, чтобы узнать, который час, – громко заявляю я. Черная тень выходит из-за груды мусора, и в едва пробивающихся между домами лучах солнца я замечаю кожаный доспех. Бесшумные ботинки, бесшумные перчатки. Лицо скрыто под маской и капюшоном; видны лишь глаза, словно заполненные тьмой, напоминающие два провала на полуночном небе. Он высокий и поджарый, двигается мучительно медленно и настороженно.

– Все нормально, я не стану звать стражников. Пока что. – Я поднимаю руки. – Еще несколько дней назад я сама была в шкуре преступника.

– Как ты узнала, где я? – Голос у него низкий. Я смеюсь, но вскоре замолкаю, видя, что он не разделяет моего веселья.

– О, прости. Ты серьезно? Это единственный подходящий переулок, достаточно узкий, чтобы спрятаться в нем от мечников, мечтающих засадить тебя в тюрьму. Не самое приятное место, уж точно.

– Я мог выбрать любой другой переулок, – настаивает он, раскручивая в руке цепочку от золотых часов.

– Ну, тут ты ошибаешься. Южный переулочек в это время суток слишком хорошо освещен – тебя сразу заметят. Переулочек с лавками, торгующими жареной рыбой, весь в дыму, что удобно, но там полно стражников. Остается только этот.

– Ты говоришь так, будто знаешь город, – усмехается он.

– Я знаю воров, – поправляю я. – И знаю, что умный вор никогда не станет красть у аристократа самую дорогую вещь. Золотые штучки достать труднее всего – они на шее или в нагрудном кармане. Так что ты либо глупый вор, либо охотишься скорее за острыми ощущениями, чем за сокровищами.

Его мрачные онисовые глаза опасно сужаются.

– Теперь, когда ты меня обнаружила, почему бы не сдать меня?

– И что в этом забавного? – с улыбкой спрашиваю я.

Секунда напряженного молчания. Никто не двигается, между нами словно натянута невидимая струна. В воздухе висит невысказанная угроза, слышная лишь тем, кто скрывается в тени, ему и мне.

А затем струна лопается – вор убегает, а я бросаюсь за ним. Он перепрыгивает через кучу коробок с кошачьей грацией, и мне приходится напрячь все годами тренированные мышцы, чтобы повторить прыжок. Он, словно вода, струящаяся между камней, не мешкает на перекрестках и просачивается сквозь удивленную толпу, проскальзывает мимо труб водяной почты и под каменными арками. Я двигаюсь не так красиво, как он. Но моей грубой силы достаточно, чтобы не отставать – с трудом входя в повороты, раз за разом я стараюсь ускориться.

Вор влетает в стаю нектарниц, и птицы упархивают прочь. Меня на мгновение ослепляют красные перья, опадающие, словно кровавые снежные хлопья. Я вновь замечаю темную фигуру, лишь когда он ныряет в переулочек, оканчивающийся величественным водным каналом, прорезающим улицы. Каналом, над которым возвышается фонтан с массивным мраморным змеем, извергающим изо рта воду. Дети, рабочие и бездомные собираются у воды, чтобы поиграть или смыть с себя сажу и грязь жаркого дня. Скользящая мостовая лишает равновесия меня, но не вора – он с легкостью взбегаёт по лестничным ступенькам. Я не могу потерять его сейчас. Поэтому хватаюсь за перила и втаскиваю себя наверх. Он неподвижно стоит наверху, выбирая между двумя дорогами.

Время замирает, звук моего тяжелого дыхания смешивается с радостными криками детей. Прозрачная вода струями вылетает изо рта змея, освежая мою разгоряченную и вспотевшую кожу. Давно я так не бегала. И давно не видела столько новых вещей. Возбуждение струится по моим венам – вот что значит быть свободной. Быть человеком. Я наконец-то вспомнила.

Вор оборачивается в мою сторону. Едва его черные глаза встречаются с моими, жизнь возобновляет движение, и он снова бросается наутек. Продолжая преследование, на последнем издыхании, с болью в боку, я понимаю, что мы движемся весьма специфичным маршрутом. Он бывает здесь часто – и знает город как свои пять пальцев. Перехватить я его не смогу, а вот догнать сумею. Направив остатки энергии в ноги, я удваиваю скорость. Кончики моих пальцев почти касаются его плеча, еще чуть-чуть...

Он уворачивается в последнюю секунду, и я спотыкаюсь. А когда поднимаю глаза, его нигде нет. Есть по крайней мере четыре варианта, куда он мог исчезнуть. Разум говорит, что он рванул в соседний переулочек, но нутро подсказывает, что он затаился прямо за стеной слева от меня. Я хватаюсь за трубу, торчащую из стены, подтягиваюсь и, собрав последние силы, перемахиваю на ту сторону. А когда приземляюсь на ватные ноги, он уже там, в боевой стойке.

– Ты, – шипит он, тяжело дыша.

– Я! – совершенно запыхавшись, отвечаю. – Теперь, когда с представлениями покончено, может, завяжешь с преступной карьерой и вернешь то, что стянул?

Он фыркает.

– Я повстречал уйму самодовольных лицемеров за свою жизнь, но тебе определенно положен пирожок с полки.

– Хвала Новому Богу. А то ведь перевел бы хорошую выпечку.

– Шорох? – прерывает нас тонкий голосок. Мы одновременно оборачиваемся к маленькой девочке, чьи темные волосы спутаны, а платье все в дырах. Она примерно одного возраста с Кравом – не больше десяти-одиннадцати лет, – и на ней нет обуви. Вор немедленно подходит к ней, опускается на колени и протягивает часы.

– Вот. Я достал их. Ты сможешь загнать их в ломбарде за хорошую цену.

Она заглядывает ему через плечо и указывает на меня.

– Кто это, Шорох? Подруга?

– Преследовательница, – поправляет он.

Я почтительно кланяюсь. Девочка хихикает. Ее голос до боли напоминает мне голос Пелигли. Девочка направляется ко мне, но Шорох удерживает ее.

– Не надо, – говорит он. – Она может тебе навредить.

– Он прав, – легко соглашаюсь я. – Никогда не доверяй незнакомцам. Порой они оказываются грубиянами, очень часто вонючками, и к тому же могут обзвать тебя лицемеркой.

– Ты такая и есть, – настаивает он.

– О, я знаю. Но я все равно уязвлена.

Он поворачивается к девочке и что-то мягко говорит. Она смотрит на меня, а затем уходит с часами в ручке. Как только она удаляется, я продолжаю:

– Ты украл это для нее, так? Я недооценила тебя, Шорох.

Взгляд его темных глаз становится тяжелым и острым как нож.

– Зачем ты преследовала меня?

– Мне было скучно, а ты поднял большой переполох.

– Настоящая причина, – требует Шорох в попытке продраться сквозь ложь. Я улыбаюсь.

– Когда я вижу человека, делающего мое дело лучше меня, мне становится любопытно.

Обидно, но любопытно. У меня не было выбора, кроме как последовать за тобой!

Я обхожу его по кругу и разглядываю с макушки до пяток, пытаюсь определить, кто он на самом деле. Но передо мной лишь черная кожа, затянутые в перчатки сжатые кулаки, поджарое тело и эти полные глаза с прищуром.

– Выбор есть всегда, – произносит он с такой легкостью, словно слышал эти слова от кого-то сотни и сотни раз. Слишком отрепетированно. Наигранно. Это не его слова, они не подкреплены личным опытом, это видно.

Я смеюсь, и мой хохот заставляет птичку, сидевшую неподалеку на бельевой веревке, испуганно упорхнуть.

– Такое говорят лишь те люди, – я стараюсь восстановить дыхание, – которым никогда не приходилось делать тяжелый выбор. Люди, живущие в роскоши. Люди, обладающие властью, которых никогда в жизни по-настоящему не припирали к стенке.

...один молодой, один старый, один без левого глаза, один, который ни разу не закричал...

Я чувствую запах крови мамы, вижу внутренности отца, слышу крики бандитов, даже когда закрываю глаза.

– Иногда, сэр Шорох, выбор делают за тебя, и все, что ты можешь, это поквитаться.

Пустота в моей груди тому подтверждение. Но я ничего об этом не говорю. Его глаза смотрят из-под капюшона – и, не знаю как, но взгляд этих обсидиановых глаз обжигает.

– Говоришь, как человек, который намного старше, чем кажется, – в конце концов заявляет он.

– А ты среди бела дня обокрал представителя Золотой крови. Так что ты либо сумасшедший, либо отчаялся.

– Направляешься ко двору, чтобы стать одной из этих отвратительных, помешанных на сплетнях идиотов, – слова незнакомца сочатся ядом. – Если кто и спятил, так это ты.

Не нужно быть энциклопедистом, чтобы определить мое знатное положение по жутко дорогому шелковому платью. Сначала он крадет у господ, а теперь отпускает колкости в их адрес. Я начинаю думать, что это личное. Легкий поклон.

– Знатная дама, к вашим услугам. Сделала бы реверанс, но полагаю, что ты уже устал от этого.

Он злится.

– Думаешь, я дворянин?

– Уверена в этом.

– Ты ничего обо мне не знаешь.

Взбешенный. Высокомерный. Слишком резкий. Обороняется – словно скрывает правду, к которой я подобралась слишком близко. Может, он и хороший вор, но лжец отвратительный.

– Подумать только! Ты *действительно* из знати, – восхищаюсь я. – Дай угадать – сын лорда? Нет, кто-то повыше, кто-то настолько знатный, что приходится незаметно сбегать из дворца и воровать на улицах, лишь бы передохнуть от интриг. Сын герцога.

Чем ближе я подбираюсь к правде, тем сильнее сужаются его глаза.

– Ему не нравятся девушки вроде тебя, – заявляет незнакомец.

– Кому? – озадаченно спрашиваю я.

– Принцу Люсьену.

– Стало быть, вы с ним друзья? Он говорил тебе, что дерзкие блондинки не в его вкусе?

– С десяток таких, как ты, охотятся за его вниманием, его могуществом, его богатством.

Или за всем вместе. Ты ничем от них не отличаешься – он лишь предмет для тебя, символ. Нечто, что хочется заполучить ради собственных эгоистичных целей.

– А что, если я скажу тебе, что мне не нужно ничего из этого?

– Тогда *что* тебе нужно?

Я кладу руку на свою пустую грудь.

– Может, я и воровка, но романтическая воровка. Мне нужно его сердце.

Он ухмыляется.

– Лгунья, вот ты кто. Двор вовсе не место для игр – недооценишь его, и тебя разорвут на кусочки, а после бросят на съедение псам. Принц не стоит боли. Уходи, пока еще можешь.

На полсекунды я всерьез задумываюсь над его предложением, а затем улыбаюсь.

– Хотела бы, но не могу. Нужно кое-что сделать. Если уйду сейчас, буду себя ненавидеть. Есть много вещей в жизни, с которыми я способна смириться, – мировой голод, эпидемии, жуткая прическа с утра, неизбежный конец нашей цивилизации, – но самобичевания мне не вынести.

Я с улыбкой подхожу к вору так близко, что мы почти касаемся друг друга. С тех пор, как я покинула лес, меня атакуют запахи; от него пахнет кожей, дождевой водой и потом. Он аристократ – один из тех, кого мне предстоит одурачить. И еще он парень. Если я не смогу уболтать этого, то какие у меня шансы с принцем?

Шорох замирает, не отрывая темных глаз от моего лица.

– Разве у тебя не так? – спрашиваю я, скользя пальцем по кожаному доспеху у него на груди. – Ты из знати, и все же ты здесь, воруешь у господ, чтобы помочь бедным. Словно это изменит тот факт, что ты живешь в золотой клетке, когда большинство людей голодают или участвуют в ордалиях под дудку того сумасшедшего эрцгерцога. – Я смеюсь. – И ты еще имел наглость обвинять меня в лицемерии.

Сквозь щель в капюшоне я вижу его глаза. Ничего. Он даже не вздрогнул, не сглотнул. Кремень. Если его и впечатлило мое прикосновение, он идеально скрыл это. У него неплохая сила воли. Я беру его за подбородок, и он не пытается меня остановить.

– Бедняжка, – протягиваю я. – Так стараешься быть хорошим в этом ужасном мире.

Странно впервые прикасаться к кому-то спустя столько времени. К кому-то высокому, чей буравящий взгляд пробирается под кожу сквозь шелк платья. Я так близко, что могу видеть под капюшоном его прямые брови, сходящиеся на переносице, и едва заметную линию губ. Его ледяная броня разбивается, едва кончики моих пальцев касаются его щеки. Во взгляде мелькает злость, и он скидывает мою руку, словно отмахиваясь от мухи.

– Как ты смеешь меня касаться? – рычит он. Какой возмущенный тон! Если у меня еще оставались какие-то сомнения относительно его происхождения, теперь их нет – слишком похоже на Ишеннрию.

– Ты скоро узнаешь, что смелости мне не занимать, – с улыбкой отвечаю я. – Двор меня не пугает. Можешь забрать свое предупреждение – тебе меня не остановить.

– Как же тебя тянет к страданиям, – хмыкает Шорох. Я не могу сдерживать смешок, порожденный отчаянием и иронией. Он знает так мало. Обо мне, о мире. О том, что ждет его драгоценного друга принца.

– А вы не думали, милорд, что, возможно, я их заслуживаю?

Заслуживаешь каждую толику боли, – огрызается голод.

Мгновение абсолютной тишины. На этот раз он подходит ко мне – два широких шага, и мы опять едва не соприкасаемся грудью, тепло, исходящее из-под его доспехов, изливается в меня, словно крепкий бренди. Голод становится настолько диким, что я готова разорвать ему глотку. Я и раньше порой оказывалась близко к людям, но не до такой степени. Его голос звучит низко и настойчиво.

– И что же, скажи на милость, ты такого сделала, чтобы заслужить это?

Я снова хихикаю, на этот раз недолго, и отворачиваюсь.

– Погоди-ка, леди должна скрывать свои тайны, иначе она станет неинтересной.

– Леди, столь упрямо преследующая вора, останется интересной вне зависимости от того, сколько секретов у нее под юбкой.

Это одновременно и ненавязчивый комплимент, и столь умело расставленная ловушка, что по спине у меня пробегает дрожь.

– Откуда ты знаешь, что я прячу свои секреты под юбкой? – спрашиваю я.

– Ты права, не знаю. Могу проверить, если хочешь, но что-то подсказывает мне, что ты не только секреты предпочла бы оставить нетронутыми.

На этот раз смешок вырывается у меня помимо моей воли.

– Вам придется придумать что-то получше, чем шуточки про девственность, если желаете от меня чего-то добиться, милорд.

– В отличие от вас, миледи, не все из нас родились с острым как бритва язычком.

– Так практикуйтесь. Надеюсь, к моменту нашей встречи на Приветствии вы будете свободно владеть этим навыком. Вы ведь *будете* на Приветствии, не так ли?

– К сожалению.

– Мисс? – Голос, вновь и вновь зовущий меня, явно принадлежит Фишеру. – Мисс, где вы?

Хотя все это очень интересно, стоит мне замешкаться, Ишеннрия открутит мне голову. Я в последний раз поворачиваюсь к Шороху, делаю почтительный книксен и покидаю переулок.

* * *

Сказать, что Ишеннрия огорчена моим «безрассудным поведением и безумной гонкой», все равно что заявить, будто лун три, – до боли очевидно и абсолютно неопровержимо.

– Я уже говорила, что мне жаль, – еще раз напоминаю я в карете. – И говорила, что не обнажалась перед кучкой аристократов. И не танцевала в фонтане. Так что у вас нет никаких причин на меня злиться.

Ишеннрия поджимает губы.

– Твое отсутствие уважения к моему – к нашему – делу просто неприемлемо. Твой медальон стоил жизни четырем...

– Ведьмам, – заканчиваю я. – Знаю.

– Понадобилась изворотливость, куча бумажной волокиты, правильные взятки в правильное время, чтобы тебя признали моей родственницей... – отрывисто бросает она, потирая лоб. – Фишер, вези нас домой.

Фишер натягивает поводья.

– Уже везу, мадам.

– Не надо на нем срывать раздражение, – прошу я. – Я одна виновата.

– Он тебе позволил, – отвечает она. – Такое не должно повториться.

– Никто ничего мне не «позволяет». Я делаю, что хочу.

– Ты делаешь то, что я тебе говорю, или не видать тебе свободы.

В карете повисает тишина. Я проглатываю беспомощные злые слова. Она права. Она права, но это не означает, что мне это нравится. Все, что мне остается, – это смотреть, как скромные здания и лавчонки сменяются просторными изумрудными лужайками и идеально ухоженными садами.словно драгоценный камень в короне, квартал знати располагается в центре города, изумительные дворцы из песчаника скрываются среди зелени и величественных статуй.

– Здесь живут семьи Первой крови, – холодно говорит Ишеннрия. – а также министры. Есть Министр Кирпича, который отвечает за строительство дорог в Каваносе, кораблей и культурных объектов. Министр Крови отслеживает семейные ветви Первой и Второй крови. Он распределяет капиталы и следит, чтобы наследство попадало в руки правильных наследников. Именно он «нашел» тебя и вернул тебе титул.

– Чем ты его подкупила? Должно быть, чем-то умопомрачительным.

– Министр Монеты приглядывает за государственной казной. – Она лишь повышает голос, игнорируя мои крамольные слова. – Он также контролирует все торговые пути, импорт и экспорт.

Пока мы проезжаем мимо, я срываю с куста яркий цветок герани, зарываюсь носом в оранжевые лепестки и глубоко вдыхаю.

Карета проносится мимо светлых особняков и подъезжает к более скромному дому из темного камня. Железные пики украшают карнизы и парапеты, напоминая шипы озлобленного животного. В отличие от голых, аккуратных зеленых террас других домов, здесь царит осторожный хаос с кустами черных роз и длинными, тонкими стеблями полупрозрачной призрачной травы. Земля усеяна шипами и черными лепестками, а подгнившие багровые ягоды алеют в грязи, словно раздавленные сердца крошечных созданий. Даже в самых диких мечтах не могла я себе представить, что окажусь в месте более мрачном, чем лес Ноктюрны.

Едва карета останавливается, перед ней выстраиваются три человека в темной униформе. Фишер помогает нам с Ишеннрией выйти, и леди отправляет их с застенчивым на вид мальчишеским позаботиться о лошадях. Остаются лишь пожилая женщина, под грузом лет почти согнувшаяся вдвое, и мужчина чуть помоложе с элегантно белой бородкой и усами.

– Мэйв, Реджиналл, позвольте представить вам Зеру И'шеннрию, мою племянницу. – И'шеннрия указывает на меня рукой, и они кланяются, хотя у Мэйв поклон больше похож на сухой кивок. Меня одолевает желание сказать, что в соблюдении формальностей нет нужды, но тут я замечаю за изгородью соседский особняк. Разодетые в пух и прах мужчина и женщина прогуливаются мимо, пристально разглядывая нас из-под дамского зонтика. Все же формальности необходимы, если я собираюсь обдурить этих господ.

– Мэйв – наша образцовая кухарка, – поясняет И'шеннрия, – а Реджиналл занимается хозяйством. Реджиналл, не поможешь Зере отнести ее вещи в...

– У меня ничего нет, – отмахиваюсь я. – Не беспокойтесь об этом.

– Напротив, – Реджиналл указывает на крышу кареты, где покоятся несколько сундуков. – Кажется, вы привезли довольно много.

Округлив глаза, я поворачиваюсь к И'шеннрии.

– Сколько же вы купили в ателье?

– Кое-что из белья и несколько шалей, – отмахивается она. – Реджиналл, будь добр, при случае сожги старое платье, которое лежит на дне голубого сундука.

Реджиналл кивает. С удивительной скоростью он снимает сверху первый сундук, но второй я все же успеваю поймать.

– Миледи, я возьму их. Пожалуйста, идите в дом, – настойчиво говорит он.

– Ерунда. У меня две руки, не так ли? Я и сама способна позаботиться о своих панталонах. Помочь, по крайней мере.

Мэйв моргает своими мутными глазами, словно не может поверить услышанному. Парочка господ за изгородью звучно смеются.

– *Неужели И'шеннрия настолько обнищала, что им приходится самим таскать вещи?*

– *О, не будь таким грубым. Они могут услышать!*

– *Посмотри на их поместье – оно вот-вот рухнет! Могут клеветать на меня сколько влезет. Все равно никто не верит поклонникам Старого Бога...*

В их словах столько яда, что меня охватывает дрожь. Я знала, что аристократы жестоки, но это переходит все границы. И'шеннрия смотрит на них, затем на меня, берет мою руку и ведет к темным дверям дома. Я пытаюсь улизнуть, но ее хватка оказывается слишком крепкой. Она провожает меня в гостиную и усаживает на темно-серый диван. Затем садится в высокое кресло напротив, точно королева.

– Ты не будешь предлагать помощь слугам.

– Ваши слуги – ходячая древность! – протестую я. – Вы не можете заставлять их таскать тяжести!

– Реджиналл более чем способен справиться с тяжелой работой.

– Это не значит, что вы можете...

– Мое имение – не королевский двор, – плавно продолжает она. – Я нанимаю свободных людей, плачу им жалованье. При дворе так не принято – там слуг должно быть видно, но не слышно, во всех смыслах. Что, если ты поможешь, а придворные увидят? Они могут решить, что слуга не справляется со своей работой. Их вышвырнут на улицы этого жестокого города, где другие работодатели не наймут их из-за слухов о некомпетентности.

– Это... безумие. – Мой живот бунтует, словно там поселился ураган. И'шеннрия приговждает меня взглядом своих безучастных ореховых глаз.

– Это то, как живет Ветрис, и то, как будешь жить ты. Я буду учить тебя в этой комнате каждый день до заката. Завтрак в семь. Чай с пирожными в полдень и ужин в восемь. И тебе придется переодеваться к каждому из этих трех приемов пищи.

– Три разных наряда – это абсурд!

Она и бровью не ведет.

– Твоя комната наверху, четвертая дверь слева. Встретимся в этой комнате завтра утром в семь тридцать. Немного опоздаешь, и будут проблемы. Я выражаюсь достаточно прозрачно?

– Прозрачнее, чем лед в вашем жестоком сердце, – шепчу я. И'шеннрия встает, и ее губы складываются в едва заметную улыбку, а пышные темные волосы слегка развеваются. Впервые я вижу, как ее холодная маска самообладания по-настоящему оживляется, по-настоящему теплеет, и все же есть в этом проявлении слабости что-то глубоко безнадежное.

Ее взгляд останавливается на портрете в холле. Картина написана маслом, с нее улыбается белоснежной улыбкой симпатичный темнокожий мужчина. Мимо него мы пронеслись, когда И'шеннрия втащила меня в дом, но теперь у меня есть возможность рассмотреть изображение получше. Он молод, гораздо моложе И'шеннрии сейчас. Талант художника несомненен, но вовсе не это делает изображение примечательным – дело в самом портрете. Есть в этом мужчине что-то успокаивающее, темно-серые глаза лучатся бесконечной мудростью, словно осколки бриллианта, с которыми нам никогда не тягаться. Царственный, отделанный золотом мундир выдает в нем аристократа, а судя по той нежности, с которой смотрит на него И'шеннрия, – это, должно быть, лорд И'шеннрия. Муж, которого она потеряла из-за Бессердечных. Из-за войны.

– Это приятно слышать, Руберион, не так ли? – мягко обращается к портрету она. – То, что мое сердце все еще может хоть что-то чувствовать спустя столько времени.

Портрет молчит, и я тоже.

Глава 5

Голод словно клинок

Будь я человеком, я бы вошла в свою скромную комнату и немедленно рухнула на кровать с балдахином. По моим подсчетам, почти целый день мы провели в дороге. Но я не человек, поэтому вместо того, чтобы тратить время на сон, я считаю ромбы на потолке и размышляю о своем неизбежном провале.

Восемнадцать. Девятнадцать. Двадцать.

Мне стоило бы бояться. Я храбрилась перед Шорохом, но он прав. Меня ожидает двор, что жесток и беспощаден. И цель, которая весьма опасна. Я должна дрожать в ужасе.

Двадцать один. Двадцать два.

Но страха нет. Я чувствую лишь тошноту. Страх так далек, как лес и прячущиеся в нем волки. Я не испытывала настоящего страха всего три года, а кажется, будто сто. Сто лет – без смерти, без взросления, в блужданиях по лесу и бессмысленном заигрывании с голодными дикими кошками и одержимыми наемниками.

Нет, я не боюсь. Пока нет. Но уверена, что буду.

Двадцать четыре, двадцать пять, двадцать шесть. Один наклон головы, тот же безжалостный птичий наклон, как у Шороха, и темные ромбы на потолке превращаются в глаза. Я так долго воровала в одиночку, приятно было встретить кого-то не менее умелого. Знать, что мир меняется, как и я, сам по себе, неважно, свободна я или нет.

Я открываю окно и смотрю, как солнце ползет по небу. В отличие от леса Ноктюрны Ветрис постоянно находится в движении. Он меняется вместе с солнцем – полдень окрашивает его в снежно-белый, пока вечерние тени еще прячутся в глубоких щелях между зданиями и дорогами, напоминая темные вены. Закат заставляет город краснеть. Господа в кружевных нарядах и изящных шляпах прогуливаются парами и поодиночке, раскланиваются друг с другом, курят длинные сигареты и проверяют карманные часы. Деревья чуть заглушают городскую суету, но звон башенных часов, отбивающих полдень, даже здесь слышен ясно и отчетливо. Нектарницы и журавли кружат рядом друг с другом, и я упиваюсь яркостью их оперения. И ни одной вороны в поле зрения.

Стук в дверь отрывает меня от созерцания заката. Я открываю и вижу накрытый крышкой серебряный поднос с чем-то теплым. Пытаюсь отыскать глазами Реджиналла или Мэйв, но коридор пуст. Забрав поднос в комнату, я поднимаю крышку – рагу из бобов и ягненка

с мягким кусочком хлеба. Запах непередаваемый. К тарелке приложена маленькая записка: «*Мастерство приходит с опытом*».

Почерк Ишеннрии безупречен. Я беру серебряную ложку. Она права – если мне придется неделями есть человеческую пищу, лучше как следует подготовиться. Пробую маленький кусочек, вкус такой же, как я помню, теплый и острый. Просто невероятно – я отправляю очередную ложку в рот, затем еще одну. Ради такого вкуса не страшно принять грядущее вездие.

Я выдерживаю десять минут, затем боль пронзает меня, словно раскаленное железо. Я плачу. Плачу кровавыми слезами, пока мое бессердечное тело отвергает любое, даже самое маленькое проявление нормальности, человечности. Когда худшее позади, я лежу на прохладном деревянном полу, прерывисто дышу и вновь считаю черные ромбы.

Двадцать семь, двадцать восемь, двадцать девять. Шорох аристократ. И вор. В голове вспыхивает обсидиановая искра, окутанная тайной.

Тридцать, тридцать один. Теперь я тоже аристократка. Беру свой золотой медальон, открываю его и смотрю на кусочек сердца, бьющийся внутри, сильный и жалкий одновременно. Такой маленький. Неполный. Я была неполной слишком долго. *Тридцать два. Тридцать три.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.